Іеромонахъ МИХАИЛЪ.

240
М. 07

Двѣ русскія подвижницы

XVI и XX вѣковъ:

Св. Ѳеліанія Лазаревская

и

Сестра Варвара.

44.88.

Изданіе „Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная улица, д. № 6.
1904.

Печатать разрѣшается. С.-Петербургъ, 27-го Января 1903 года.

Протоіерей **Философъ Орнатскій.**

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
1140
31

ДВѢ РУССКІЯ ПОДВИЖНИЦЫ.

I.

Св. Юліанія Лазаревская.

Ульяна Осорьина — общественная дѣятельница XVI вѣка.

† 2-го января 1604 года.

«Трепетна ми десница, яко скверна сущи и недостойна къ начинанію повѣсти» (Рукопись № 292. Уварова Л. 267).

Вступленіе въ житіе св. Михаила Клопскаго.

Въ самомъ началѣ 1904 года былъ юбилей (конечно, его нигдѣ и никакъ не отмѣтили) одной изъ тѣхъ семи женщинъ, которыхъ народное церковное сознаніе признало „святыми“, т. е. признало необходимымъ поставить высоко на свѣчникѣ, какъ свѣтильникъ, отъ котораго мы должны брать свѣтъ... „Возьмите отъ елея ихъ“...

Это семь „святыхъ“, и кромѣ ихъ исторія и народная память не отмѣтила почти никого, хотя бы даже и безъ „надчеловѣческаго“ ореола святости,

Посмотримъ же, кто эти женщины?—Св. княжна Ольга, кн. Евфросинія Суздальская, кн. Евфросинія Полоцкая, кн. Февронья Муромская... Какъ видите—всѣ эти были княжескаго званія, и слѣдовательно, хотя „смѣнили свой княжескій ореолъ на болѣе свѣтлый, подвижническій, но все же онѣ и безъ того, уже по своему земному сану, имѣли право на историческую извѣстность“ (Буслаевъ).

Но вотъ между ними есть одна, которая носитъ исторически весьма скромное имя: Ульяна Осорьина.

Русскій книжникъ X — XVI вѣковъ — народная память выбрала одну эту. За что?

Можетъ быть, мы не сойдемся съ вами, читатели, въ оцѣнкѣ того историческаго типа, того яркаго, трогательнаго, „граціознаго“ (мы вмѣстѣ съ Буслаевымъ очень стоимъ за этотъ эпитетъ), историческаго явленія, какое представляетъ Осорьина, но мы не откажемся отъ чувства не *уваженія*, а благоговѣйнаго *удивленія къ „святой“*.

„Читатель, можетъ быть, не найдетъ въ изображеніи героини ни яркихъ очерковъ, ни энергіи характера, но онъ не можетъ отказать ей въ своемъ уваженіи, не можетъ не признать за ней нѣжной граціи, несмотря на нѣкоторую жестокость ея аскетическихъ убѣжденій“, — пишетъ Буслаевъ.

„Ульяна Устиновна Осорьина,—добавляетъ проф. Ключевскій, это была простая, обыкновенная добрая женщина древней Руси, скромная, боявшаяся чѣмъ-нибудь стать выше окружающихъ. Она отли-

чалась отъ другихъ развѣ только тѣмъ, что жалость къ бѣдному и убогому,—чувство, съ которымъ русская женщина на свѣтъ родится,—въ ней была тоньше и глубже, обнаруживалась напряженнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ, и развиваясь, отъ непрерывной практики, постепенно наполнила все ея существо, стала основнымъ стимуломъ ея нравственной жизни, ежеминутнымъ влеченіемъ ея вѣчно дѣятельнаго сердца".

Вотъ отзывъ двухъ историковъ. Онъ, конечно, справедливъ, но, думается намъ, узокъ, представляетъ Осорьину меньше, чѣмъ она есть.

Мы рѣшились назвать ее *„дѣятельницей общественной"* и настаиваемъ на этомъ названіи, понимая общественную дѣятельность, можетъ быть, и немного въ своеобразномъ смыслѣ.

Была ли она такой, увидимъ.

„Сказую вамъ, братіе, повѣсть дивну, бывшу въ родѣ нашемъ. „Во дни *) благовѣрнаго царя и великаго князя Ивана Васильевича отъ его царскаго двора, читаемъ мы въ повѣсти о жизни Юліаніи,—былъ нѣкоторый мужъ благовѣренъ и нищелюбивъ, именемъ Іустинъ, по прозванію Недюревъ, саномъ ключникъ. И имѣлъ онъ жену боголюбиву и нищелюбиву, именемъ Стефаниду Григорьеву, дочь Лукина, отъ предѣловъ города Мурома. И жили они

*) Начало жизнеописанія Юліаніи, составленнаго ея сыномъ Калистратомъ, по реклу Дружиною Осорьинымъ. Житіе издано два раза. Мы передаемъ біографію въ изданіи и переводѣ Буслаева (Рус. Вѣстн. 1858 г. 17 т.).

во всякомъ благовѣріи и чистотѣ; и было у нихъ много сыновей и дочерей, много богатства и рабовъ множество. Отъ нихъ же родилась и блаженная Юліанія.

Ульянѣ, однако, недолго пришлось жить въ родной семьѣ: ей было шесть лѣтъ отъ роду, когда ея мать померла. Съ 6-ти лѣтъ она живетъ у своей бабки, потомъ у тетки „Натальи Путиловѣ, женѣ Арапова“. Тетка ея имѣла своихъ дочерей-дѣвицъ и одного сына. Какъ жилось сиротѣ въ чужой семьѣ, мы не знаемъ; біографъ слишкомъ кратокъ. Блаженная, пишетъ онъ, „отъ младыхъ лѣтъ возлюбила Бога и Пречистую Его Матерь, премного почитала тетку свою и сестеръ; и во всемъ была имъ послушна, любила смиреніе и молчаніе, молитвѣ и посту прилежала“. „Только о пряжѣ и пяличномъ дѣлѣ прилежаніе великое имѣла, и во всю ночь *не угасалъ свѣтильникъ ея*“. По ночамъ она молилась и работала. А сиротъ и вдовъ, и немощныхъ въ веси той всѣхъ обшивала, и всѣхъ нуждающихся и больныхъ не оставляла безъ призрѣнія: и всѣ дивились ея разуму и благовѣрію. И вселился въ нее страхъ Божій.

„Не было въ той веси церкви, ни вблизи ея, а была версты за двѣ. И не случилось блаженной въ дѣвственномъ возрастѣ ни разу быть въ церкви, ни слышать божественныхъ словесъ прочитаемыхъ, ни учителя, учащаго на спасеніе. Только смысломъ благимъ наставляема нраву добродѣльному, какъ говоритъ великій Антоній: имѣющимъ цѣль умъ не

требовати писанія. Слово это блаженная собою исправила; и, не учившись книгамъ, ни учителемъ наставляемая, еще въ дѣвственномъ возрастѣ всѣ заповѣди исправила, и, какъ бисеръ многоцѣнный, *свѣтилась среди тины.* О благочестіи подвизалась и желала слышать слово Божіе: но въ дѣвственномъ возрастѣ ни разу того не получала. И отъ невѣждъ была осмѣяна за свои добрыя дѣла...“

Вотъ простое и трогательное описаніе условій, въ какихъ выросла Осорьина.

Она жила, лишенная всякихъ средствъ образованія, среди раболѣпной челяди. . Она не знала грамотѣ: она даже ни разу не была въ церкви во все время своего дѣвичьяго возраста, ни разу не слышала божественной службы, ни разу не слышала, кто-бы ей сказалъ или прочелъ божественное слово спасенія. Мудрено ли, что всѣ ея сверстницы о томъ только и думали, что лелѣяли свою дѣвичью красу, съ позаранковъ ѣли и пили, да насмѣхались надъ Юліаніей, что она въ такой молодости плоть свою изнуряла постомъ и молитвою? Единственнымъ занятіемъ русской боярышни XVI вѣка было прядиво и пяличное дѣло.

Можно ли было ожидать при такихъ условіяхъ, чтобы въ лицѣ Ульяны выросло явленіе общественное?

Однако вышло такъ. Въ „тинѣ“ — оказался „жемчугъ“, а грязь къ жемчугу не пристаетъ.

Когда достигла блаженная шестнадцатаго года, ее выдали замужъ въ предѣлы города Мурома, „мужу

доброродну и богату, именемъ Георгію, по прозванью Осорьину". Выдали, конечно, по обыкновенію безъ ея спроса и воли. Жизнь ея здѣсь такая же темная, худо „освѣщенная".

И свекоръ и свекровь были, кажется, люди добрые. Ульяну встрѣтили съ радушіемъ и лаской. Ее любили... По волѣ свекрови ей было передано завѣдываніе хозяйствомъ и прислугой.

Да внѣшне все обстояло благополучно, но въ дѣйствительности было не совсѣмъ такъ. Не даромъ, какъ увидимъ ниже, Ульянѣ приходилось прибѣгать къ маленькому лукавству, чтобы передавать бѣднымъ куски отъ своего стола.

Ея семья была обыкновенная, добрая, но рабовладѣльческая семья. „Кругомъ нея было все печально и сумрачно, какъ сѣрое, непривѣтливое небо, висящее надъ темными лѣсами и пустынями муромскаго края" (Проф. Буслаевъ). Она жила, окруженная раболѣпіемъ холоповъ, которое было естественной, по тогдашнимъ понятіямъ, наддачею всякаго благосостоянія: „много богатства и рабъ множество" имѣли родители Юліаніи. Такъ же описывается и благосостояніе свекра. И вотъ, среди такой обстановки, конечно, по благодати Божіей, она сумѣла почувствовать съ болью самое больное въ окружавшей ее обстановкѣ, самое крупное зло вѣка,—не только почувствовать, но и протестовать. Гордости и величанья къ слугамъ не любила. Простымъ именемъ никого никогда не называла и не требовала, чтобъ ей кто на руки воды подалъ, или

отъ ея сапоги отрѣшилъ, но все сама собою творила. И службу ихъ себѣ въ тяжесть вмѣняла, и всегда со смиреньемъ, укоряя душу свою, говорила: „кто же я сама, убогая, что предстоятъ мнѣ такіе же человѣки, созданье Божіе?“

Вотъ короткія строки біографіи, въ которыхъ собственно дана цѣлая трагедія, — канва тяжелой душевной драмы. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь главный пунктъ общественной дѣятельности Ульяны и поучительный урокъ намъ, людямъ XX вѣка. Здѣсь выдвинутъ и рѣшенъ вопросъ, который недавно поставленъ на очередь и духовной и свѣтской литературой: вопросъ о господахъ и слугахъ.

Я уже не разъ отмѣчалъ одну странность нашей психологіи: мы страдаемъ, такъ сказать, „душевной дальнозоркостью“. Вы знаете, въ чемъ выражается болѣзнь глазъ, называемая дальнозоркостью: люди хорошо видятъ издали, и плохо, почти ничего, вблизи. Вотъ это очень нерѣдко и въ области жизни духа: люди способны видѣть чужое горе, когда оно далеко, сострадаютъ чужому голоду, если голодаютъ не въ подвалѣ ихъ дома, а... въ Индіи или, по крайней мѣрѣ, въ Самарской губерніи, жалѣютъ „обиженныхъ и обманутыхъ“, если эти обиженные не изъ ихъ постоянныхъ сосѣдей. И я не хочу сказать, что тутъ все дѣло въ скупости, что-ли, въ томъ, что жалѣть издали *стоитъ дешевле*. Нѣтъ. Совершенно искренно не замѣчаютъ близкаго „горя“, не видятъ страдающихъ и гибнущихъ вблизи душъ, въ силу какого-то органическаго *поврежденія души*,

духовнаго зрѣнія. И между прочимъ этимъ-то поврежденіемъ нашей души объясняется вся система нашихъ отношеній къ нашимъ слугамъ, къ „людямъ“.

Прислуга, это люди, которые служатъ намъ, нашимъ интересамъ, берегутъ нашихъ дѣтей, иногда кормятъ ихъ своимъ молокомъ, охраняютъ нашъ покой, отдаютъ намъ свои безсонныя ночи, а часто и больше свою душу, здоровье, трудъ. Повидимому, вмѣстѣ съ тѣмъ они должны и намъ быть ближе, чѣмъ чужіе, повидимому ихъ жизнь должна бы интересовать насъ, какъ жизнь людей „родныхъ“, „присныхъ“, своихъ. Что же въ дѣйствительности? никогда, почти никогда, вниманіе господъ не спускается до кухни; душа барина или барыни никогда не прислушивается къ жизни „людской души“. „Положимъ, входитъ баринъ на кухню, — резонируетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ пьесѣ „Внѣ жизни“ Протопопова, — ну, посмотритъ онъ сначала на кастрюлю, потомъ на кочергу. И взглядъ у него на насъ съ тобой и на кочергу съ кастрюлей будутъ одинаковы. А почему? Потому что не хочетъ онъ въ насъ признать то, чѣмъ мы съ тобой отъ кочерги или отъ кастрюли отличаемся. Вотъ въ чемъ горе слугъ. И кончится оно, это горе, только тогда, когда господа нашу душу узнаютъ“.

Скорбно, сильно и справедливо. „Господа забываютъ, что и въ насъ душа есть“... Да, это правда, забываютъ. Я знаю служанокъ, которыя годами не были у обѣдни: хозяева не могли отпустить ихъ въ

эти часы. Знаю совершенно одичавшихъ религіозно такихъ, которые забыли, кто такой Христосъ.

А въ нравственномъ отношеніи? Не буду говорить о томъ, о чемъ и „нелѣть глаголати“, — о томъ, какъ господа, и „отцы и дѣти“, развращаютъ сами прислугъ (дѣвушекъ) губятъ ихъ и потомъ выбрасываютъ на улицу, — пусть эта случайность бываетъ не часто; но возьмемъ честнѣйшихъ изъ господъ: занимаетъ ли ихъ духовная жизнь хотя бы этой 14-ти или 15-ти лѣтней подняньки, пришедшей изъ деревни, дѣлаютъ ли что нибудь, чтобы спасти ее отъ соблазновъ, дать разумную пищу и добрый отдыхъ ея душѣ? Конечно нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Что намъ до гибели этихъ душъ: намъ нужна только ихъ служба. Онѣ „внѣ жизни“,—жизнь не для нихъ: ихъ трудъ для насъ; этого мало: для насъ созданы ихъ руки и, пожалуй, для нашего же „счастья, мимоходомъ, ихъ тѣло“. Пусть отдаютъ все, мы не дадимъ ничего. Мы *выгоняемъ ихъ изъ жизни.*

И вотъ этотъ вопросъ, имѣютъ ли душу—„рабы“ „слуги“ или это почти кухонная принадлежность, вопросъ, который въ наше время только намѣчается, съ силой выдвинула простая безграмотная женщина XVI вѣка.

А ея положеніе, конечно, не было похоже на положеніе теперешнихъ адвокатовъ „бѣлыхъ рабовъ“. Великая пропасть лежала между древне-русскимъ бариномъ и его холопомъ: послѣдній былъ для перваго по закону не лицомъ, а простою вещью. „Слѣдуя исконному туземному обычаю, а можетъ

быть и греко-римскому праву, не вмѣнявшему въ преступленіе смерти раба отъ побоевъ господина, русское законодательство еще въ XIV в. провозглашало, что если господинъ „огрѣшится“, неудачнымъ ударомъ убьетъ своего холопа или холопку, за это его не подвергать суду и отвѣтственности. Церковь долго и напрасно вопіяла противъ такого отношенія къ крѣпостнымъ людямъ Десятками наполняя дворы зажиточныхъ землевладѣльцевъ, плохо одѣваемая и всегда содержимая впроголодь, челядь составляла толпу домашнихъ нищихъ, болѣе жалкихъ сравнительно съ вольными публичными нищими (Ключевскій).

Конечно, приблизительно тоже было и въ семьѣ Юліаніи. Семья была добрая, но взгляды и принципы ея не были добрыми, — это были рабовладѣльцы, воспитанные въ мысли, что и тѣло и душа рабовъ — для нихъ, а не для Бога.

И вотъ Юліанія выступила, какъ живой протестъ противъ рабства и вмѣстѣ нашего взгляда на слугу. Съ рабовладѣльчествомъ никакъ не могла примириться глубоко проникнутая ученіемъ Христа, возвышенная и любящая душа Юліаніи. Мы видѣли, что она устранила лично отъ себя всѣ возмутительные обычаи раболѣпства; — но развѣ этого было достаточно? Могла ли она не смущаться душою, будучи окружена людьми, которые нисколько не могли ни понимать ея человѣколюбивыхъ идей, ни сочувствовать имъ? Она хотѣла большаго: хотѣла, *чтобы всѣ Христа вспомнили*. Она выдвинула принципъ равно-

правности и отвѣтственности за слугъ. „На господахъ, въ силу самаго ихъ званія лежитъ величайшая отвѣтственность. Всякое преимущество, съ точки зрѣнія Евангелія, *обязательство*, *должность*. Развѣ не сказано, что кому больше дано, съ того больше и возьмется. „Господа, — пишетъ апостолъ Павелъ по поводу того же вопроса объ отношеніи господъ къ слугамъ,—помните, что имѣете *Господа* на небесахъ". Это значитъ: помните, что въ отношеніяхъ къ слугамъ вы должны служить Господу. И здѣсь, какъ вездѣ, вы должны трудиться во славу Бога, и не только не обижать, не только не давить, а дѣйствовать такъ, чтобы царство Божіе множилось, чтобы этихъ „слабыхъ" дѣлать сильными въ царство Божіе".

Вотъ суть проповѣди св. Ульяны. Она постоянно въ волненіи и страхѣ о нехристіанскихъ отношеніяхъ, въ которыхъ, по заведенному порядку, находились ея мужъ и свекоръ съ свекровью къ домашней челяди. Съ сокрушеннымъ сердцемъ постоянно повторяетъ она слова Спасителя: „Не обидите малыхъ сихъ: ангели бо ихъ всегда видятъ лице Отца Моего небеснаго".

Сами рабы иногда были лѣнивы и перечливы. Она все со смиреніемъ терпѣла, и все собою исправляла и на себя вину возлагала, говоря: „Сама я передъ Богомъ всегда согрѣшаю, а Богъ мнѣ терпитъ: что же мнѣ на этихъ взыскивать? Такіе же люди, какъ и я. Души ихъ больше нашихъ душъ цвѣтутъ". „И никого изъ провинившихся рабовъ

она не оклеветала: и за то много разъ отъ свекра и свекрови, и отъ мужа была бранима".

Подумайте, и вы оцѣните огромность этой, повидимому, домашней борьбы. Представьте человѣка, понявшаго неправду рабства — внутреннюю несправедливость его среди семьи, которая была доброй, хорошей семьей, но не понимала, не могла усвоить идеи, что холопъ „ничѣмъ же меньше его въ очахъ Божіихъ".

Юліанія все время должна была жить въ состояніи глубокаго трагическаго разлада, въ постоянной мучительной тревогѣ совѣсти. Какой граціозный и до боли трогающій образъ представляла Ульяна, которая почти въ недоумѣніи съ болью пытается сдвинуть порядокъ, установленный вѣками и такъ усиленно повторяетъ всѣмъ: „не обижайте этихъ малыхъ".

„Рабство преслѣдовало ее и въ собственной ея семьѣ, спокойствіе которой непрестанно возмущалось ссорами между ея дѣтьми и рабами. Однажды, неизвѣстно изъ-за чего, повздоря, холопъ убилъ ея старшаго сына. По свидѣтельству жизнеописанія, это было дѣло бѣса, который господствовалъ въ семьѣ благочестивой Юліаніи: „азъ многу спону творихъ Юліаніи, — говоритъ самъ бѣсъ, — по вся дни воздвизахъ брань въ дѣтѣхъ и въ рабѣхъ ея". Ульяна, — тоже конечно винила бѣса, но яснѣе понимала, почему бѣсъ могъ коснуться семьи ея: она понимала, что виной смерти сына „рабство", незаконныя и ненормальныя отношенія великихъ къ малымъ. И она молилась о прощеніи грѣха. Она скор-

бѣла не столько о томъ, что онъ умеръ, сколько о томъ, что онъ умеръ отъ обиженнаго имъ холопа, жертвою собственнаго гнѣва.

Неужели же это *не общественная* дѣятельность? среди господства идей рабовладѣльчества внести въ міръ идею равноправности и идею отвѣтственности за тѣхъ, кто меньше, кто служитъ намъ, это было „подвигомъ“ и, конечно, общественной заслугой.

„Но она дѣйствовала только въ семьѣ. Пусть. Она не осталась безъ учениковъ“. Достаточно того, что ея идеи нашли себѣ сочувствіе въ подростающемъ юномъ поколѣніи, „что тѣ же благородныя чувства, то же христіанское уваженіе къ человѣчеству она посѣяла въ сердцѣ своего сына, который, описавъ жизнь своей матери, вполнѣ оцѣнилъ это истинно-христіанское ея чувство“ (Буслаевъ).

Мало того, *ея жизнь приняли, увидѣли въ ней „житіе“, т. е. правило* Развѣ это не было началомъ (сильнаго или слабаго — вопросъ другой) — *движенія въ пользу признанія человѣческихъ правъ рабовъ?*

Загляните „къ тѣмъ“, кто по вечерамъ въ теремѣ и „вечерней горницѣ“ читаетъ повѣсть объ Ульянѣ: для нихъ старыя отношенія уже грѣхъ, потому что они осуждены „житіемъ“.

Житіе описало дѣло этой подвижницы XVI в., какъ побѣду, провозгласило міру о дѣлѣ Ульяны, какъ о фактическомъ рѣшеніи одного изъ больныхъ вопросовъ. Опишетъ ли будущій біографъ дѣянія новыхъ защитниковъ рабовъ, которые защищаютъ ихъ только пока въ своемъ кабинетѣ?

Однако пойдемъ дальше, перейдемъ къ тому моменту дѣятельности св. Юліаніи, который далъ намъ мысль читать о ней въ чтеніи, отданномъ дому Трудолюбія „для дорожныхъ людей“.

Св. Юліанія живетъ въ семьѣ свекра.

Ульяна Осорьина, какъ мы видимъ, съ дѣтства очень жалѣла нищихъ, голодныхъ. Въ каждомъ просящемъ она видѣла посланника Христа,—приласкать нищаго для нея было высшимъ счастьемъ. Но пока живы были свекровь и свекоръ этому чувству мудрено было проявиться широко. Она не могла отдать бѣдному даже лишній кусокъ хлѣба. И душа ея разрывалась на части отъ муки...

Какъ разъ въ это время случился голодъ — не большой Годуновскій голодъ 1601 года, а мѣстный недородъ. Ульяна, конечно, рвется помочь голоднымъ, но чѣмъ и какъ? Она утаиваетъ куски отъ своего обѣда. Ранѣе она ѣла только два раза въ день; теперь стала требовать и полдникъ, и завтракъ.

Свекровь полушутливо говорила ей: „радуюсь я, невѣстушка, что ты чаще стала ѣсть, но дивлюсь, какъ измѣнилась ты нравомъ. Когда хлѣба было въ изобиліи, не могли мы тебя принудить къ раннему и полуденному яденью. Теперь же въ мірѣ оскудѣніе пищи, а ты берешь себѣ и завтракъ“. Она же, желая утаиться, отвѣчала: „когда я еще не родила дѣтей, не хотѣлось мнѣ ѣсть; а какъ начала родить, обезсилѣла и не могу досыта наѣсться, и не только днемъ, но и ночью много разъ хочется мнѣ ѣсть, и мнѣ стыдно просить у тебя пищи“. Свекровь очень рада

была объясненію доброй лгуньи и посылала ей пищи довольно, и на день, и на ночь, потому что у нихъ въ дому ни мало не было оскудѣнія: въ прежніе годы скоплено было много жита. Она же, принимая пищу отъ свекрови, сама не ѣла, но все раздавала нуждающимся".

Можетъ быть, этотъ разсказъ покажется кому смѣшнымъ, другіе можетъ быть назовутъ его трогательнымъ, но главное здѣсь не въ этомъ. Какъ же жилось чуткой душѣ св. Юліаніи, которая должна была лгать, чтобы накормить голоднаго? А она все таки дѣлала больше.

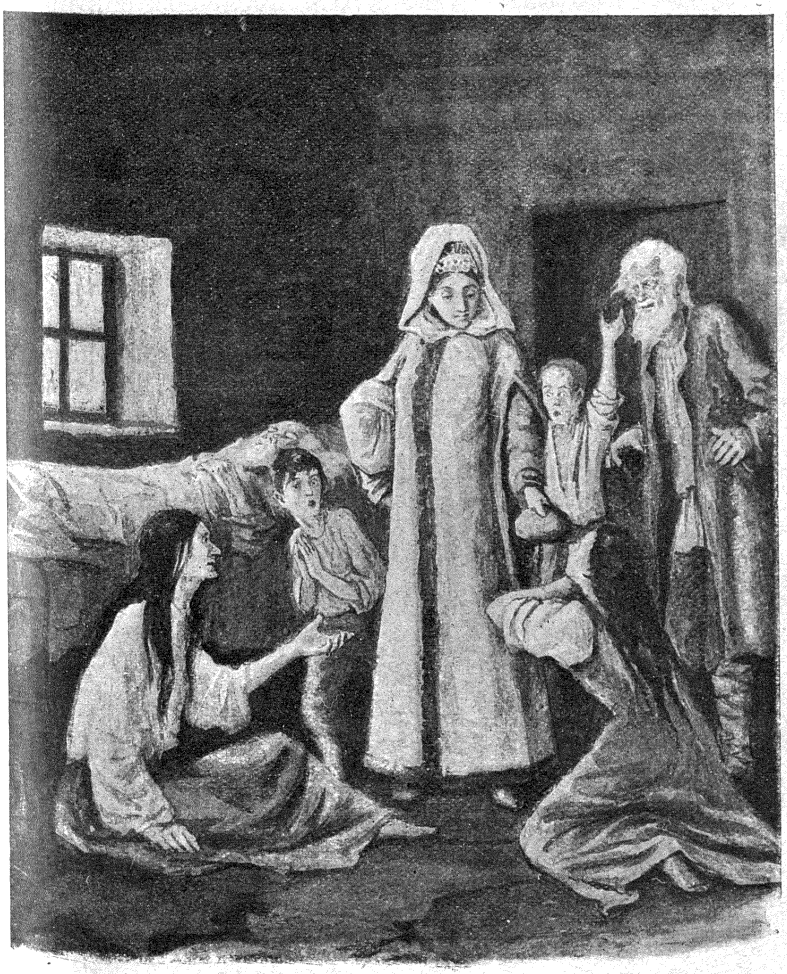
„Когда кто изъ нищихъ умиралъ,—пишетъ бытописатель,—нанимала она обмыть его, и покупала умиральныя ризы, и на погребеніе посылала деньги, и когда видѣла въ селѣ своемъ мертвеца погребаема, знакомаго или незнакомаго, всегда довольно молилась о душѣ его".

Вскорѣ послѣ голода, былъ на людей сильный моръ. Многіе помирали болѣзнію, прозванною пострѣломъ. Это была, кажется, попросту чума. „И многіе неразумные, изъ боязни, въ домахъ своихъ запирались, и язвенныхъ пострѣломъ къ себѣ не пущали, и къ одеждѣ ихъ не прикасались". Юліанія, тайно отъ свекра и свекрови, брала въ баню зараженныхъ, своими руками въ банѣ обмывала ихъ, исцѣляла и Бога молила объ исцѣленіи. И молилась, о всѣхъ молилась. Тѣхъ, кто умиралъ — хоронила. И снова молилась.

И такъ шли годы. „Живя такимъ образомъ много

лѣтъ у свекра и свекрови, ни въ чемъ она ихъ не преслушалась, не роптала, но, какъ родная дочь своихъ родителей, почитала. И преставились въ глубокой старости ея свекоръ и свекровь, въ монашескомъ чину. Она же пѣсньми псалмами надгробными и благолѣпнымъ погребеніемъ почтила ихъ; и многую милостыню по нихъ монастырямъ и церквамъ раздавала, повелѣвъ по нихъ служить литургіи. И трапезы въ дому своемъ поставляла, попамъ и монахамъ, и нищимъ, вдовамъ и сиротамъ. И всѣхъ приходящихъ довольно пищею угощала; и всѣхъ просила, чтобы молились Богу за души преставльшихся. И темничникамъ милостыню посылала ежедневно, даже до сороковаго дня. А мужа ея тогда не было дома. Она же много имѣнія на милостыню расточала, не только въ то время, но и послѣ всегда творила память по умершихъ. Потому что помнила божественное писаніе, яко творимая здѣ многу пользу и ослабу творитъ умершимъ душамъ. И все имѣніе свекра своего и свекрови по нихъ въ память раздала. Но вотъ вскорѣ умеръ и мужъ Юліаніи. Тогда Юліанія, какъ птичка изъ сѣтей, вырвалась, по выраженію разсказа, — „отверглась“ отъ всего мірскаго, и къ единому Богу всею душею своею обратилась. Постъ и воздержаніе паче мѣры воспріяла. По пятницамъ вовсе не вкушала, и затворялась одна въ отходной клѣти, и тамъ въ молитвахъ упражнялась; по понедѣльникамъ же и по средамъ однажды въ день сухояденье безъ варева вкушала. А по субботамъ и воскресеньямъ въ дому своемъ трапезу поставляла

попамъ, и вдовамъ, и сиротамъ, и своимъ домочадцамъ: тогда и сама выпивала одну чарку вина, не



Св. Юліанія среди голодающихъ.

потому, чтобы любила вино, но не хотѣла оскорблять

гостей. Слышала она заповѣдь Спасову: когда твориши пиръ или вечерю, не зови родню свою, ни сосѣдей богатыхъ, чтобъ и они тебя позвали; но зови нищихъ, слѣпыхъ и хромыхъ, бѣдныхъ, которымъ нечѣмъ воздать тебѣ. И воздастся тебѣ въ воскресеніе праведныхъ. Потому блаженная больше всего пеклася о нищихъ. Сна же, только съ вечера, часъ одинъ или два принимала. И ложилась на печи безъ постели; только дрова острою стороной къ тѣлу подстилала; дрова же и подъ голову клала, а подъ ребра желѣзные ключи; и такъ тѣло свое удручила. Не желала она покоя, но ложилась, пока не засыпали ея рабы, а потомъ вставала на молитву и всю ночь безъ сна пребывала, и со слезами Богу молилась до заутренняго благовѣста. Потомъ шла къ заутрени и къ литургіи, въ теченіе же дня рукодѣлью прилежала, домъ свой богоугодно устрояла; рабовъ своихъ пищею и одеждою довольствовала, и дѣло каждому по силѣ задавала. *Бѣднымъ во всемъ помогала, и всякой добродѣтели образъ проходила и, просто сказать по Іову, была она око слѣпымъ, и нога хромымъ, безкровнымъ покровъ, и нагимъ одежда.* Плакалась, видя человѣка въ бѣдѣ; съ рабами же, какъ съ родными дѣтьми, обходилась. Не любила гордости, ни величанія; была для нихъ истинная мать, а не госпожа. Провинившимся рабамъ и рабынямъ, вмѣсто грозы, милованіе творила и отъ божественныхъ писаній поучала, а не бранью и побоями. Хотя и не умѣла она грамотѣ, но любила слушать чтеніе божественныхъ книгъ; и какое слово

слышала, внятно понимала и все неудобовразумительное толковала, какъ премудрый философъ или книжникъ, и всегда со слезами говорила о томъ, какими дѣлами можно умолить за себя Бога и какъ подражать житію прежнихъ святыхъ".

„Добрыхъ дѣлъ ея невозможно и пересказать, ни на письмѣ передать, пишетъ біографъ. Не знаю, какого бы добраго дѣла она не сотворила. Какими словами восхвалить труды ея? Плача ея кто испишетъ? Милостыни ея кто изочтетъ? Гдѣ же говорящіе, будто въ міру нельзя спастись? — Не мѣсто спасаетъ, но умъ и изволеніе къ Богу. Адамъ и въ раю, яко въ великомъ отишьи, утопился, а Лотъ въ Содомѣ, какъ и въ морскихъ волнахъ, спасся. Скажешь, что нельзя среди чадъ спастись? А вотъ блаженная Юліанія и съ мужемъ пожила, и дѣтей рождала, и рабами владѣла, а Богу угодила, и Богъ прославилъ ее".

„Бѣдный былъ для нея какой-то бездонной сберегательной кружкой, куда она съ ненасыщаемымъ скопидомствомъ все прятала, прятала всѣ свои сбереженія и излишки" (Проф. Ключевскій). Порой у нея въ дому не оставалось ни копѣйки отъ милостыни, и она занимала у сыновей деньги, на которыя шила зимнюю одежду для нищихъ, а сама, имѣя уже 60 лѣтъ, ходила всю зиму безъ шубы.

И такъ безъ шубы она ходила въ страшные морозы ежедневно. Однажды была такая студеная зима, что земля разсѣдалась отъ мороза. И нѣсколько времени не ходила она въ церковь, а молилась дома.

Но вотъ,—разсказываетъ повѣсть о жизни Юліаніи, — случилось же однимъ утромъ, очень рано, прійдти попу въ ту церковь преподобнаго Лазаря. И былъ гласъ отъ иконы Пресвятой Богородицы: „Иди и рцы милостивой вдовѣ Юліаніи, ради чего не приходитъ въ церковь: и домовая ея молитва пріятная, но церковная выше. Почитайте Юліанію, уже ей не меньше шестидесяти лѣтъ, и Духъ Святый почиваетъ на ней“. Попъ же пришелъ въ великій ужасъ. И отправился къ блаженной Юліаніи, палъ къ ногамъ ея, прося прощенія (онъ повидимому ранѣе осуждалъ ее за опущеніе службы) и повѣдалъ ей видѣніе. И когда она послѣ того отправилась въ церковь, и со слезами молилась и цѣловала икону Богородицы, „въ тотъ часъ внезапно великое благоуханіе распространилось въ церкви и по всему селу“. И съ тѣхъ поръ уже ежедневно ходила она на молитву въ церковь.

Она была уже въ преклонныхъ лѣтахъ, когда ее постигло послѣднее и самое тяжелое благотворительное испытаніе. „Лукавый бѣсъ, добра ненавистникъ, давно уже суетившійся около этой досадной ему женщины и всегда ею посрамляемый, разъ со злости пригрозилъ ей: погоди же, будешь ты у меня чужихъ кормить, когда я тебя самое на старости лѣтъ заставлю околѣвать съ голоду.“ Такой добродушно-набожной комбинаціей объяснено въ біографіи происхожденіе постигшей добрую женщину бѣды. Похоронивъ мужа, вырастивъ сыновей и поставивъ ихъ на царскую службу, она уже по-

мышляла о вѣчномъ устроеніи собственной души, но все еще тлѣла передъ Богомъ любовью къ ближнему, какъ тлѣетъ передъ образомъ догорающая восковая свѣчка“ *).

И вотъ насталъ „великій голодъ“ послѣднихъ лѣтъ царствованія Годунова. Въ 1601 году, едва кончился весенній сѣвъ, полили страшные дожди и лили все лѣто. Полевыя работы прекратились, хлѣбъ не вызрѣлъ, до августа нельзя было начать жатву, а на Успеньевъ день неожиданно ударилъ крѣпкій морозъ и побилъ недозрѣвшій хлѣбъ, который почти весь остался въ полѣ. Люди кормились остатками стараго хлѣба, и на слѣдующій годъ посѣялись коекакъ собраннымъ зяблымъ зерномъ новаго урожая; но ничего не взошло, все осталось въ землѣ и наступилъ трехлѣтній голодъ. Царь не жалѣлъ казны, щедро раздавалъ въ Москвѣ милостыню, предпринялъ обширныя постройки, чтобы доставить заработокъ нуждающимся. Прослышавъ объ этомъ, народъ толпами повалилъ въ Москву изъ неурожайныхъ провинцій, чѣмъ усилилъ нужду въ столицѣ. Началась сильная смертность: „Свидѣтельствуюсь истиною и Богомъ,— пишетъ одинъ изъ современниковъ,— что я собственными глазами видѣлъ въ Москвѣ людей, которые лежа на улицахъ, подобно скоту, щипали траву и питались ею; у мертвыхъ находили во рту сѣно“. Мясо лошадиное казалось лакомствомъ: ѣли собакъ, кошекъ, стерво, всякую нечистоту. Люди

*) Проф Ключевскій „Добрые люди древней Руси“.

сдѣлались хуже звѣрей: оставляли семейства и женъ, чтобы не дѣлиться съ ними кускомъ послѣднимъ. Не только грабили, убивали за ломоть хлѣба, но и пожирали другъ друга. Путешественники боялись хозяевъ, и гостиницы стали вертепами душегубства: давили, рѣзали сонныхъ для ужасной пищи. Мясо человѣческое продавалось въ пирогахъ на рынкахъ. Матери глодали трупы своихъ младенцевъ... Злодѣевъ казнили, жгли, кидали въ воду; но преступленія не уменьшались... И въ сіе время другіе изверги копили, берегли хлѣбъ, въ надеждѣ продать его еще дороже... Гибло множество въ неизъяснимыхъ мукахъ голода. Вездѣ шатались полумертвые, падали, издыхали на площадяхъ. Москва заразилась бы смрадомъ гніющихъ тѣлъ, если бы царь не велѣлъ, на свое иждивеніе, хоронить ихъ, истощая казну и для мертвыхъ. Приставы ѣздили въ Москвѣ изъ улицы въ улицу, подбирали мертвецовъ, обмывали, завертывали въ бѣлые саваны, обували въ красные башмаки или коты, и сотнями возили за городъ въ три скудельницы, гдѣ въ два года и четыре мѣсяца схоронено 127.000 труповъ, кромѣ погребенныхъ людьми христолюбивыми у церквей приходскихъ. Пишутъ, что въ одной Москвѣ умерло тогда 500.000 человѣкъ, а въ селахъ и другихъ областяхъ еще несравненно болѣе, отъ голода и холода: ибо зимою нищіе толпами замерзали на дорогахъ“. Бѣда создана была въ значительной мѣрѣ искусственно. Хлѣба оставалось довольно отъ прежнихъ урожаевъ. Послѣ, когда самозванцы наводнили

Русь шайками поляковъ и казаковъ, которые своими опустошеніями прекратили посѣвы на обширныхъ пространствахъ, этого запаснаго хлѣба много лѣтъ хватало не только на своихъ, но и на враговъ. При первыхъ признакахъ неурожая начала разыгрываться хлѣбная спекуляція. Крупные землевладѣльцы заперли свои склады. Скупщики пустили все въ оборотъ, деньги, утварь, дорогое платье, чтобы забрать продажный хлѣбъ. Тѣ и другіе не пускали ни зерна на рынокъ, выжидая высокихъ цѣнъ, радуясь, по выраженію современника, барышамъ, „конца же вещи не разумѣюще, сплетены смуты слагающе и народъ смущающе“. Хлѣбныя цѣны были взбиты на страшную высоту: четверть ржи съ 20 тогдашнихъ копѣекъ скоро поднялась до 6 руб., равнявшихся нашимъ 60 руб., т. е. вздорожала въ 30 разъ. Царь принималъ строгія и рѣшительныя мѣры противъ зла, запретилъ винокуреніе и пивовареніе, велѣлъ сыскивать скупщиковъ и бить кнутомъ на рынкахъ нещадно, переписывать ихъ запасы и продавать въ розницу понемногу. Предписывалъ обязательныя цѣны и каралъ тяжкими штрафами тѣхъ, кто таилъ свои запасы. Ничто не помогало—голодные множились. Конечно эти голодные вышли на дорогу.

Въ придачу къ этому господа распустили свою челядь—выбросили ихъ на дорогу съ „волчьимъ билетомъ“, и, чтобы послѣ возвратить холоповъ, помѣщики не давали имъ установленныхъ отпускныхъ и они нигдѣ не могли приткнуться — найти пріюта.

Наконецъ, Борисъ освободилъ часть дворовыхъ опальныхъ бояръ съ „заповѣдью тѣхъ слугъ къ себѣ не принимать“. Это значитъ снова „дорожные“ люди съ волчьимъ билетомъ.

Что же было въ результатѣ? Разбойничьи шайки наполнили дороги. Палицынъ называетъ ихъ „злодѣйствующими гáдами“, но большинство ихъ было просто голодные, а хуже всего то, что эти люди считали себя обиженными, задавленными. Они громятъ помѣщичьи усадьбы, противятся даже царскимъ посламъ (какъ Хлопокъ), — во имя протеста за тѣлесное и душевное разореніе.

И они могли находить для себя оправданіе при самыхъ разбояхъ, въ томъ, что разбивали во дни голода биткомъ набитыя житницы.

„Въ то лѣто, — пишетъ Авраамій Палицынъ, — имущіи глаголаху къ просящимъ: не имамы ничтоже. Во время плѣненія отъ окольныхъ людей и своихъ (т. е. именно во время разгрома и смуты) обрѣтеся безчисленное множество всякаго хлѣба и давныя житницы не истощимы“.

Не удивительно, что эти воры въ своихъ глазахъ были правы. Не удивительно, что надъ Русью на цѣлую четверть вѣка нависла туча смуты. Здоровая атмосфера и свѣтъ были только въ одномъ мѣстѣ — около усадьбы Осорьины.

Нижегородскій край былъ наиболѣе мирнымъ краемъ и чрезъ нѣсколько лѣтъ спасъ Русь, можетъ быть, молитвами и дѣятельностью Юліаніи. Ея дѣло какъ то отражалось на всѣхъ. Не во многихъ обла-

стяхъ дорожные люди могли сказать: „много собираемъ чистаго хлѣба“, въ сладость наѣдаемся, какъ говорили нижегородскіе нищіе.

Что сдѣлала здѣсь Юліанія? Много. Прежде всего она поняла, что наступаетъ время усиленной борьбы не съ голодомъ только,—но и съ духовной гибелью челяди, съ разложеніемъ „люда православнаго“.

Ульяна Осорьина и почувствовала на своихъ плечахъ тяжелое бремя отвѣтственности за ея холоповъ. Она знала,—если она пуститъ ихъ на дорогу, то этимъ увеличитъ число дорожныхъ людей, „дѣтей діавола“. И она борется. Голодное трехлѣтіе при царѣ Борисѣ застало ее въ нижегородской вотчинѣ совсѣмъ неприготовленной. Съ полей своихъ она не собрала ни зерна, запасовъ не было, скотъ палъ почти весь отъ безкормицы. Но она не упала духомъ, а бодро принялась за дѣло, распродала остатокъ скота, платье, посуду, все цѣнное въ домѣ и на вырученныя деньги покупала хлѣбъ, который и раздавала голодающимъ, ни одного просящаго не отпускала съ пустыми руками.

Это она, по ея словамъ, дѣлала для того, чтобы спасти ихъ отъ зла.

„Только молила она дѣтей и рабовъ своихъ, чтобы ничего чужого не трогали, не воровали“. Наконецъ, голодъ побѣдилъ. У Ульяны не осталось ничего: „все распродала на жито“. И дошла она до послѣдней нищеты, такъ что въ дому ея ни единаго зерна жита не осталось; но и отъ этого не смутилась, возлагая упованіе на Бога.

При этомъ, когда великая нищета умножилась въ дому ея, она собрала своихъ рабовъ и сказала имъ: „голодъ обдержитъ насъ: видите сами. Если кто изъ васъ хочетъ со мною терпѣть, добро и пріятно; а кто не хочетъ, пусть идетъ на свободу и не изнуряется меня ради“. Конечно, всѣмъ отходящимъ она давала „вольную“. Благомыслящіе между ними обѣщались съ нею терпѣть, а другіе отошли. Съ благословеніемъ и молитвою отпустила она ихъ, не держала на нихъ гнѣва. И велѣла оставшимся рабамъ собирать траву, рекомую лебеду, и кору деревянную, рекомую илемъ, и въ томъ велѣла готовить хлѣбы, и тѣмъ сама питалась и дѣтей и рабовъ кормила. Отъ того же хлѣба и нищихъ питала и, не накормивъ, никого изъ дому не отпускала: а нищихъ было въ то время безчисленное множество. Сосѣди говорили нищимъ: „Что къ Юліаніи въ домъ ходите? она и сама голодомъ умираетъ“. Нищіе отвѣтствовали: „Много селъ мы обходимъ и чистые хлѣбы собираемъ, а такъ въ сладость не наѣдаемся, какъ сладокъ хлѣбъ у этой вдовы“. Нищіе не умѣли даже назвать ее по имени.

И сосѣди для испытанія посылали къ ней за хлѣбомъ, ѣли его и дивились, говоря: „горазды рабы ея печь хлѣбы“, а того не разумѣли, что молитвою ея хлѣбъ былъ сладокъ. „Съ какой любовью,—пишетъ Ключевскій, надобно было подавать нищему ломоть хлѣба, небезукоризненнаго въ химическомъ отношеніи, чтобы этотъ ломоть становился предметомъ поэтической легенды тотчасъ, какъ былъ

съѣдаемъ". А мы прибавимъ. Почему не думать, что въ самомъ дѣлѣ эта огромная любовь и молитва не могли чудомъ сдѣлать сладкимъ хлѣбъ изъ лебеды и коры рекомой илемъ.

„И терпя въ той нищетѣ два года, не опечалилась, не смутилась, не роптала и не изнемогла нищетою, но была еще веселѣе прежняго". И вотъ тяжелая година прошла и цѣна хлѣба — съ трехъ рублей пала до 10 коп. Дѣло Ульяны окончилось; она могла умереть. Разболѣлась она мѣсяца декабря въ 26 день, и была больна шесть дней. „Но что была болѣзнь ея? Днемъ на постели лежала, а молитву творила непрестанно; ночью же сама вставала и молилась Богу, никѣмъ не поддержима. А рабыни ея посмѣивались, говоря: „Не въ правду хвораетъ: днемъ лежитъ, а ночью встаетъ и молится". Она же, уразумѣвъ, говорила имъ: „Что вы меня посмѣхаете? развѣ не знаете, что и больного истязуетъ Богъ молитвы духовныя?" И иное многое говорила отъ святыхъ книгъ".

Января во второй день, на разсвѣтѣ, подвижница призвала отца своего духовнаго Аѳанасія, и причастилась животворящихъ таинъ Тѣла и Крови Христа Бога нашего. Сѣла на одрѣ своемъ, и призвала дѣтей своихъ, и рабовъ, и всѣхъ живущихъ въ селѣ томъ. И поучала ихъ о любви, и о молитвѣ, и о милостынѣ, и о прочихъ добродѣтеляхъ, присовокупивъ: „Желаніемъ возжелала я великаго ангельскаго образа еще отъ юности моей, но не сподобилась, по грѣхамъ моимъ. Такъ угодно было Богу. Слава правед-

ному суду Его". И велѣла уготовить кадило и ѳиміамъ вложить въ него, и цѣловала всѣхъ бывшихъ при ней, и всѣмъ миръ и прощеніе подавала. Потомъ легла; трижды перекрестилась; обвила четки около своей руки и сказала послѣднее слово: „Слава Богу, всѣхъ ради, въ руцѣ Твои предаю духъ мой. Аминь". И предала душу свою въ руки Господа, котораго измлада возлюбила. И видѣли всѣ въ тотъ часъ на головѣ ея золотой вѣнецъ и бѣлый убрусъ.

Конечно—этотъ вѣнецъ должны были видѣть; онъ долженъ былъ быть вокругъ ея головы. Она не могла не „свѣтить". „Омыли и положили ее въ клѣти. И въ ту ночь видѣли тамъ горящія свѣчи, а весь домъ наполнился благоуханіемъ". И вотъ до насъ, черезъ триста лѣтъ, доносится благоуханіе чистаго образа. Пусть онъ учитъ...

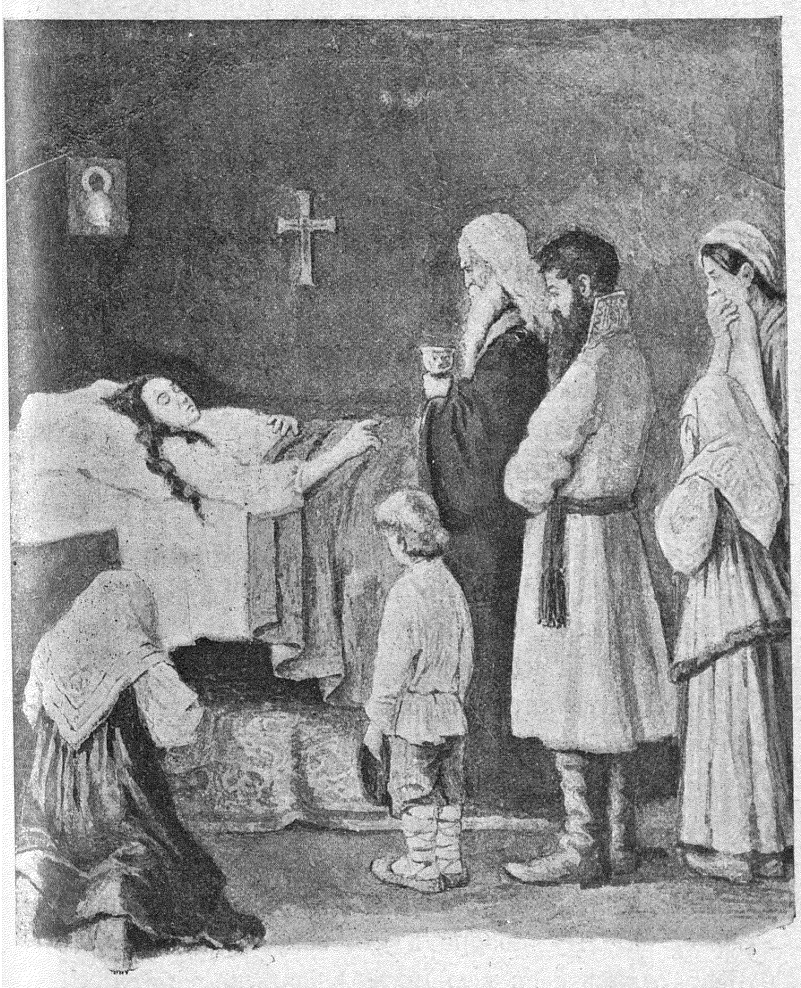
Я хотѣлъ подчеркнуть значеніе Осорьиной, какъ дѣятельницы общественной,—поставить ее, какъ антитезу общественнымъ работникамъ нашего времени.

Что помогло Ульянѣ сдѣлать всероссійское дѣло, почему этотъ „лучъ изъ Мурома"—свѣтившій, говоря словами описателя ея, какъ бисеръ среди тины,—прорѣзалъ тину трехъ столѣтій и свѣтитъ намъ.

Почему?

А это не было ли общественною дѣятельностью? Тогда что же такое общественная дѣятельность? Что же можетъ цѣниться дороже дѣятельности живого человѣка, отдающаго дѣлу и тѣло, и душу, и трудъ, и „вся своя?"

Ульяна указала намъ пути къ борьбѣ съ „дорожными“ людьми.



Послѣднія минуты св. Юліаніи.

Единственное средство въ этой борьбѣ положить

на пути ихъ *въ шайку Хлопка* — хлѣбъ, хотя бы даже изъ лебеды, если нѣтъ пшеницы, но принесенный отъ сердца чистаго изъ житницъ, открытыхъ для голодныхъ, не дразнить ихъ *полными житницами*.

А что она сдѣлала для своего времени? Проф. Ключевскій мимоходомъ бросаетъ мысль—близкую къ нашей, что такія, какъ Ульяна,—спасли Русь.

„Никто не сосчиталъ, ни одинъ историческій памятникъ не записалъ, сколько было тогда Ульянъ въ Русской землѣ и какое количество голодныхъ лезъ утерли онѣ своими добрыми руками. Надобно полагать, что было достаточно тѣхъ и другихъ, по, тому что Русская *земля пережила тѣ страшные годы*, обманувъ ожиданія *своихъ враговъ*“.

Да, мы думаемъ, что если смута не одолѣла ее, если Русь сохранила вѣру въ себя и оттолкнула отъ себя „зло смуты“, польщизны и т. д. — то потому, что Ульяны удержали отъ ухода на дорогу сотни тысячъ готовыхъ уйти къ „ворамъ“, и эти сотни тысячъ пошли къ Пожарскому.

— Потому что ея работа стояла на истинномъ фундаментѣ—горячей любви къ людямъ.

Посмотрите на дѣятелей нашего времени.

Вотъ одинъ изъ симпатичнѣйшихъ типовъ новой литературы.

Вотъ симпатичнѣйшая Варвара Васильевна у Вересаева: „На поворотѣ“), — самоотверженная, готовая отдать себя всю службѣ, святой работѣ.

Проходитъ нѣсколько лѣтъ работы, и въ ней *нѣтъ силы жить*. Она не жалѣетъ тѣхъ, кто такъ

въ ней нуждался, и уходитъ отъ жизни, убиваетъ себя. „Во мнѣ — говоритъ она, все словно сохнетъ, какъ сохнетъ вѣтка дерева: все какъ-будто цѣло, а между тѣмъ нѣтъ жизни... духъ отлетаетъ“... Я не люблю людей. Это потому, что — „любовь наша холодная“,— добавляетъ Токаревъ...

Люди готовы ради программы идти на голгоѳы, и пожалуй пойдутъ, но въ тоже время — быстро блекнутъ и падаютъ.

„Чѣмъ больше я люблю человѣчество вообще, тѣмъ меньше я люблю людей въ частности, т. е. порознь, какъ отдѣльныхъ лицъ, — говоритъ одинъ докторъ у Достоевскаго. Въ мечтахъ я нерѣдко доходилъ до странныхъ помысловъ о служеніи человѣчеству и, можетъ быть, дѣйствительно пошелъ бы на крестъ за людей, если бы это вдругъ какъ нибудь потребовалось, а между тѣмъ я двухъ дней не въ состояніи прожить ни съ кѣмъ въ одной комнатѣ, о чемъ знаю изъ опыта“.

Гдѣ причины такого печальнаго явленія?

Печальнаго потому, что, очевидно, оба эти дѣятеля не двинутъ впередъ жизни.

А причина въ томъ, что эти люди строятъ дѣятельность не на фундаментѣ Ульяны Осорьиной, въ томъ, что воспитанія души въ любви у этихъ людей нѣтъ; тутъ насильственное преклоненіе только передъ программой работы — передъ красивой идеей.

Здѣсь безплодная любовь къ дальнимъ. Эти люди не усвоили мысли, что цѣль не „довлѣетъ себѣ“, что „цѣль самой цѣли“ — люди, ближніе: грандіозная

перспектива отвлеченнаго идеала заслоняетъ ближнихъ, сосѣднее горе; ихъ не замѣчаютъ, потому что они слишкомъ малы, — мелочь, рядомъ съ необъятностью великаго и невозможнаго.

Это люди хорошіе, они служатъ, борятся, отдаютъ дѣлу жизнь и руки, но они скоро устаютъ, именно потому, что служба иксу, отвлеченности, для которой наличные люди только начало безконечности, — не даетъ счастья, давитъ своей неосмысленностью. Нуженъ опредѣленный навыкъ любви *къ живому человѣку, способность ощущать не общечеловѣческое, а сосѣднее горе, но этой любви нѣтъ*: на мѣстѣ ея встала только любовь къ дальнимъ, къ формуламъ, буквѣ, программѣ.

И Варвара Васильевна погибнетъ... И докторъ погибнетъ.

На голгоѳу пойдутъ, но самая эта голгоѳа безплодна. Не противъ общественной дѣятельности, говорю я, а только о томъ, что людей любить нужно.

Только дѣятельность, основанная на глубокой переработкѣ души, создаетъ общественно великія дѣла, у такихъ богатыхъ живой любовью людей даже работа (съ людьми) на *пространствѣ* 3-хъ квадратныхъ саженъ—станетъ „общественнымъ служеніемъ“, можетъ имѣть значеніе даже міровое.

„По завѣту такихъ людей — будутъ дѣйствовать даже тогда, когда ихъ самихъ забудутъ. Изъ своей исторической дали они не перестанутъ свѣтить, подобно маякамъ, среди ночной мглы, освѣщая намъ путь и не нуждаясь въ собственномъ свѣтѣ. А за-

вѣтъ ихъ жизни таковъ: жить, — значитъ любить ближняго, то-есть, помогать ему жить; больше ничего не значитъ жить и больше не для чего жить“ (Ключевскій).

ПОДЪ ЗНАМЕНЕМЪ КРЕСТА.

II.

Сестра Варвара,

подвижница XX вѣка

Сестра Варвара не желала, чтобы говорили о ней. „Не трогайте вы сестру Варвару, говорите о ея бродяжкахъ, о томъ, что ихъ жалѣть надо, помочь имъ надо, а ее зачѣмъ трогать? Она только при нихъ. Не пишите о сестрѣ Варварѣ". Я не могъ послушаться сестры Варвары. Всякое дѣло, всякая идея становятся живыми только тогда, когда около нихъ святой человѣкъ. Поэтому русскіе люди плохо идутъ на помощь даже святому дѣлу, пока не видятъ его въ рукахъ живого человѣка, отдавшаго себя борьбѣ за это дѣло.

И я для блага „дома" сестры Варвары и для блага ея дѣтей, считаю необходимымъ поставить рядомъ съ описаніемъ ея дѣла и саму сестру Варвару, какъ живую носительницу Христовой мысли.

Предупреждаю: многое, что сказано здѣсь о сестрѣ Варварѣ, хотя передается иногда отъ ея лица, пере-

дано не ею, а людьми, которые давно уже подслушиваютъ молчаніе ея христіанской души; отъ И. П. Ю—а, прот. С., г-на П. — даже отъ ея бродяжекъ и т. д.

Конечно, многое сообщила и она намъ лично, но только то, что касается духовной жизни ея „отверженцевъ“ „бродягъ“, а не о себѣ.

Итакъ, моя тема: сестра Варвара.

I.

Сестра Варвара? Кто это? Можетъ быть, не знаете?.. Неудивительно. Давно извѣстно, еще со временъ Златоуста, что міръ болѣе знаетъ „наѣздниковъ съ ристалищъ“, чѣмъ „людей Божіихъ“.

А сестра Варвара — изъ тѣхъ людей, которыми держится обреченный на гибель Содомъ. Сестра Варвара — строительница столовой и дома трудолюбія для босяковъ на проходной дорогѣ изъ Петербурга на Москву чрезъ Любань, — около Любани. Вотъ „оффиціальный видъ“ сестры, но само собою разумѣется, что фактъ здѣсь самъ по себѣ говоритъ еще очень мало, вѣрнѣе, совсѣмъ ничего. Если бы меня попросили коротко охарактеризовать сестру Варвару, я сказалъ бы, что это человѣкъ, который „полюбилъ крестъ“.

Да, она любитъ крестъ, вся ея жизнь около креста, подъ его знаменемъ. „Когда я жила въ Варшавѣ, — разсказывала одному своему близкому сотруднику сестра Варвара,—то тамъ видѣла я—по-

стоянно встрѣчаются кресты: среди поля на перекресткахъ, вездѣ на нихъ повѣшены всякія приношенія ленточки, вѣнки и пр.; я какъ увижу, такъ обниму и думаю: это тотъ самый крестъ, на которомъ, Онъ, Христосъ, былъ распятъ, и цѣлую его и плачу“... [1])

Цѣлуетъ и плачетъ... Но, вѣдь, иногда бываютъ и дешевыя слезы. Надъ крестомъ и около креста могутъ плакать и просто только экзальтированные, праздночувствительные люди, съ легко возбудимой фантазіей... Есть много такихъ, которые, пожалуй, тоже любятъ „кресты“ на дорогахъ и кладбищахъ, въ храмѣ и божницѣ, и готовы забыться около креста въ молитвенномъ экстазѣ, но любятъ, такъ сказать, платонически, бездѣятельно, такъ что вся любовь ихъ только и выражается въ умиленныхъ слезахъ. Эта любовь, думаю я, оскорбляетъ крестъ... Она кощунство. Она можетъ быть хуже вражды ко кресту, потому что это издѣвательство надъ крестомъ, соединенное съ лицемѣрнымъ самоуслажденіемъ. Сестра Варвара любила и любитъ крестъ не піэтически, а какъ христіанка, „подъявшая крестъ на рамена свои“.

Слишкомъ 75 верстъ она пронесла большой деревянный крестъ на своихъ плечахъ—отъ Петербурга до Любани, чтобы освятить имъ здѣсь мѣсто своей работы, и поставила этотъ крестъ и начала

---

[1]) Человѣкъ, сообщившій намъ эти слова сестры Варвары, долго колебался позволить безъ ея согласія — огласить ихъ. Наконецъ рѣшился, думая, что этотъ разсказъ очень освѣщаетъ *психологію* дѣятельности сестры Варвары.

труженичество во имя креста. Какъ я сказалъ, она устроила столовую для людей съ проходнымъ свидѣтельствомъ.

Можетъ быть вы не знаете и того, что такое проходное свидѣтельство? Это такъ называемый „волчій билетъ“, т. е., разрѣшая метафору, это билетъ, съ которымъ можно жить „волкомъ“. Человѣкъ съ проходнымъ свидѣтельствомъ (по 63 ст.) обязанъ проходить въ сутки 25 верстъ, не имѣя права остановиться ни въ одномъ частномъ домѣ. Этотъ отверженецъ не можетъ добиться нигдѣ работы, потому что для того, чтобы работать, нужно, конечно, останавливаться, а онъ не имѣетъ этого права. И онъ идетъ съ мѣста на мѣсто, „какъ вѣчный жидъ“,— по выраженію сестры Варвары, добывая хлѣбъ милостыней или чѣмъ нибудь хуже. Конечно, народъ этотъ всегда изъ послѣднихъ подонковъ общества: это воры, иногда преступники и пропойцы, люди готовые на все, а главное люди голодные. Вотъ для этихъ-то несчастныхъ, голодныхъ, и устроила свою „столовую на распутіи путей“ сестра Варвара.

Я очень бы просилъ моихъ петербургскихъ читателей заглянуть въ этотъ маленькій домикъ, какъ бы свалившійся съ неба, по выраженію г-жи Лухмановой: его дѣйствительно воздвигъ Богъ, здѣсь вдали отъ жилья, среди большой дороги. Зайдите сюда: здѣсь вѣетъ духомъ Христовымъ. Столовая, похожая на храмъ, иконы въ углу и по стѣнамъ. Строгая византійская живопись рядомъ со строгими Дольче и Гвидо Рени. Простая деревянная мебель и столъ,—

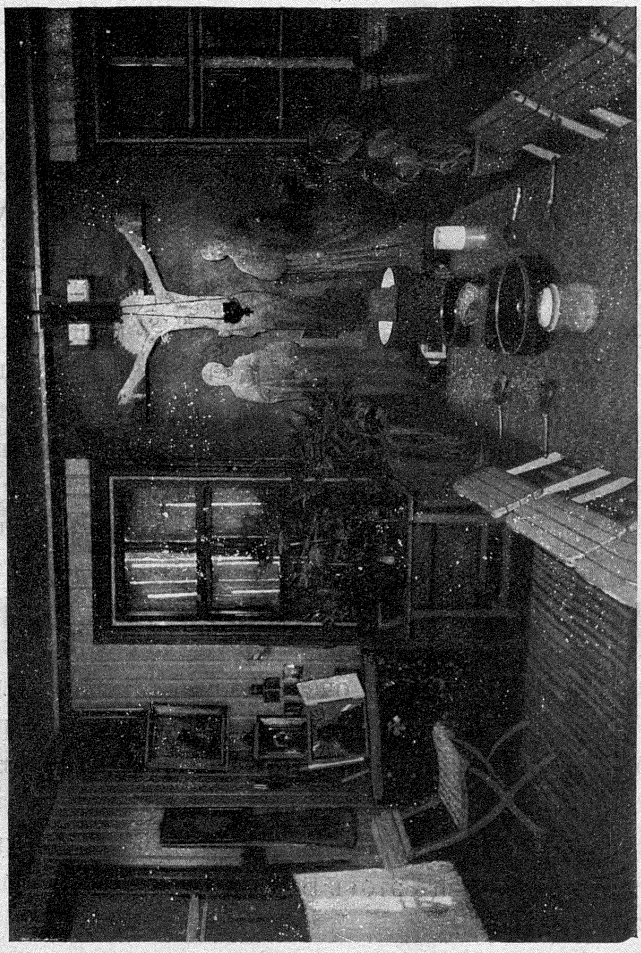
а впереди крестъ, принесенный изъ Петербурга, огромный—прекрасной работы. Когда я въ первый разъ увидѣлъ этотъ крестъ, во время перваго посѣщенія сестры Варвары, мнѣ припомнились слова о. Петрова, „какъ хорошо должно быть бѣдняку, страдальцу, измученному, забитому, затравленному жизнью зайти сюда и прямо встрѣтить этотъ сіяющій крестъ съ распростертыми на немъ руками, которыя словно зовутъ тебя къ себѣ, хотятъ тебя обнять, прижать къ груди, снять съ тебя тяжелую ношу, твою горькую долю. Тамъ, за нашимъ порогомъ, на большихъ улицахъ города, этихъ бѣдняковъ гонятъ прочь, ихъ сторонятся, можетъ быть ихъ травятъ, какъ звѣрей, потому что они сами озлобленные, какъ звѣри, часто не прочь урвать силой добычу. Здѣсь же они, какъ входятъ, сейчасъ встрѣчаются со Христомъ, Который кормилъ голодныхъ, былъ другомъ грѣшниковъ и первымъ съ Собою въ рай ввелъ разбойника“.

Сестра Варвара—точно въ самомъ дѣлѣ—угадала мои мысли:

— „Знаете, я очень рада, что Богъ вложилъ отцу Евфимію принести въ даръ моей столовой этотъ крестъ, отвѣтила неожиданно на мою мысль сестра Варвара.—Придетъ иной разъ босякъ. Посадишь за столъ. Сидитъ... Вдругъ случайно на крестъ взглянетъ, и сразу вижу—что-то въ немъ дрогнуло. Струны какія то отозвались... Сидитъ и не ѣстъ. Ну, молъ, понимаю—и ухожу. А ему именно хочется остаться около креста обнять его и выплакаться“...

И обнимаютъ, и плачутъ.

Я провелъ въ святомъ уголкѣ три слишкомъ часа.



Внутренній видъ столовой.

Сначала я осмотрѣлъ новый строющійся домъ трудолюбія, освященіе котораго будетъ въ декабрѣ. Сестра

Варвара съ любовію показывала мнѣ все. Съ особеннымъ благоговѣніемъ она остановилась около будущей церкви. Церковь почти готова. Иконостасъ дѣлается въ одной изъ петербургскихъ мастерскихъ изъ сплошного дуба съ художественными изображеніями святыхъ. Иконостасъ обошелся около 800 рублей, а вся церковь около 2000 рублей. По желанію сестры Варвары, внутри деревяннаго храма никакихъ драгоцѣнныхъ украшеній не будетъ и служить въ ней непремѣнно будетъ монахъ, желающій посвятить себя истинному служенію Богу.

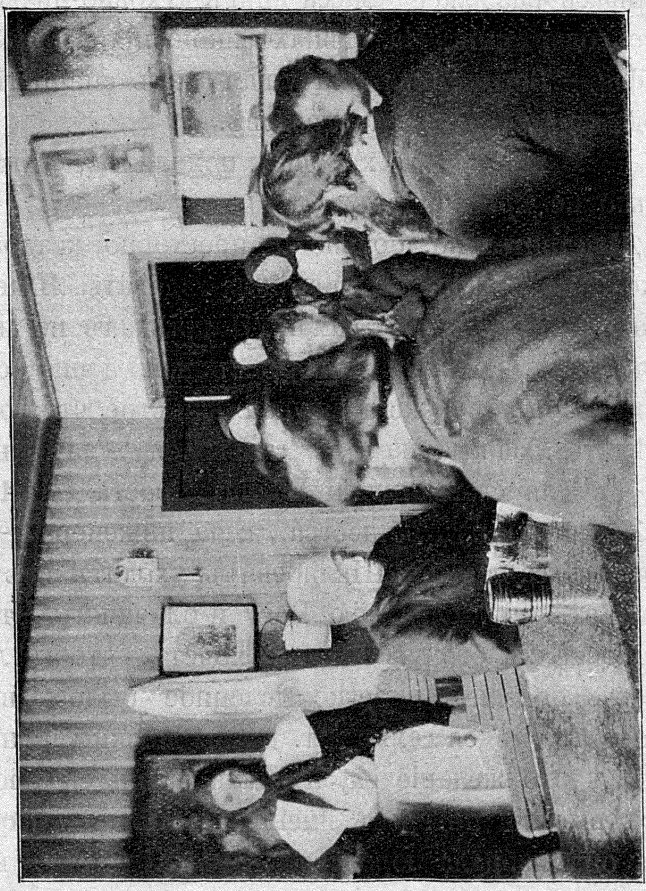
— „Много здѣсь можетъ сдѣлать хорошій батюшка, если онъ будетъ вліятеленъ, да хорошо, по Божьи, служить будетъ. Главное—литургія, вѣдь она всякаго разбойника святымъ дѣлаетъ. Люблю литургію, очень люблю. Мнѣ все кажется, что Самъ Христосъ здѣсь. *Рече Христосъ,*—читаетъ дьяконъ, и мнѣ кажется, что Христосъ говоритъ, Христосъ учитъ съ горы“...

Домъ не очень обширный, но на 50 человѣкъ достаточно. Конечно это очень мало, если имѣть въ виду десятки тысячъ, выкинутыхъ на дорогу Петербургомъ и Москвой бродягъ, но сколькихъ трудовъ стоило и это.

Недалеко отъ дома колодецъ съ прекрасной чистой водой. Колодецъ этотъ Богъ послалъ и Любани, и сестрѣ Варварѣ.

Въ Любани очень мало воды, берутъ ее чуть не изъ гнилыхъ лужъ. А для сестры Варвары нужна хорошая вода, не можетъ она пока поить своихъ дѣтей чаемъ или чѣмъ еще.

И вотъ взяла сестра Варвара по русскому обычаю икону, обошла кругомъ мѣста съ молитвой, потомъ на томъ мѣстѣ, какое указала молитва, оставила



Бродяжки обѣдаютъ.

икону до другого дня. А на другой день съ Богомъ рабочіе вырыли колодецъ,—и теперь сюда ходятъ изъ самой Любани, нигдѣ нѣтъ по близости такой воды.

Мы вернулись въ столовую. Сестра Варвара ввела

меня въ свою келью. Болѣе суровой обстановки я не видѣлъ. Вмѣсто постели у нея деревянная лавка, покрытая деревенской плахтой. На полкахъ и скамьяхъ разложена масса книгъ духовно-нравственнаго содержанія. На стѣнахъ иконы, большая фотографія — Богоматерь, плачущая надъ спящимъ Господомъ; нѣсколько портретовъ.

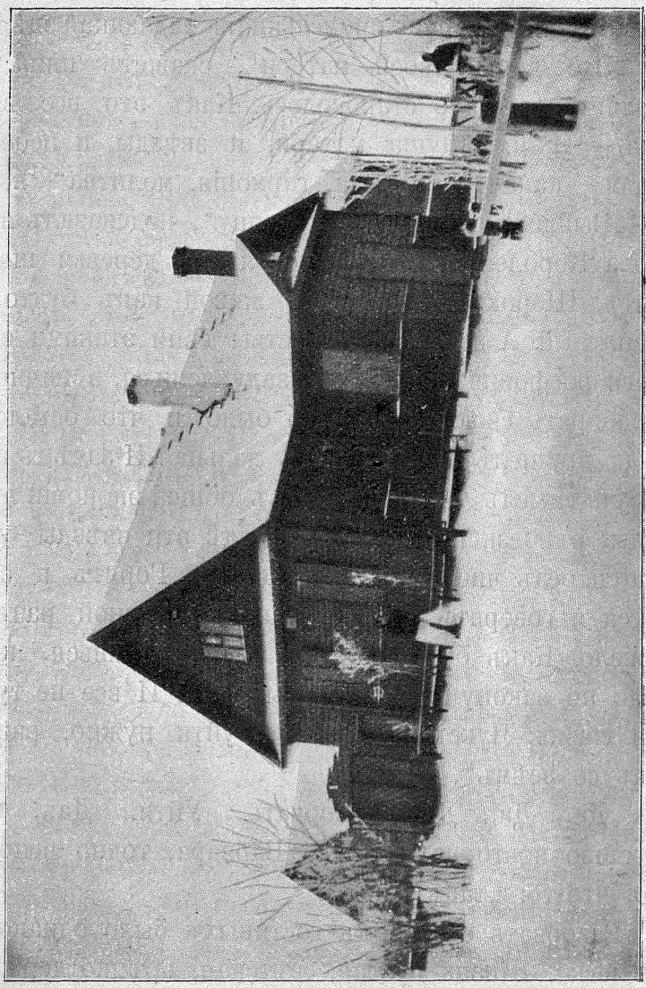
— У меня тутъ хорошо, помолиться можно,— только не просторно.

Дѣйствительно, больно не просторно, квадратной сажени не будетъ. Мы стали бесѣдовать. Я не разспрашивалъ ее о ней самой. Я пріѣхалъ не интервьюировать, но въ разговорѣ съ ней, а еще больше въ разговорѣ съ чужими, я узналъ многое, что должно повѣдать людямъ, не для славы ея — зачѣмъ она ей? — а для славы имени Божія и роста ея дѣла.

Женщина изъ общества, жена инженера — Варвара Александровна Шкляревичъ уходитъ изъ міра, и вся отдается служенію Богу и ближнимъ. Что побудило ее къ этому? Она не хочетъ, чтобы любопытство праздное и легкомысленное рылось въ ея прошломъ, въ ея семьѣ и т. д. Мы должны, конечно, уважать это желаніе ея, и самая жизнь ея пріобрѣтаетъ высокій интересъ именно только съ того дня, какъ она избрала юродство, иго Христово, взяла крестъ и пошла босыми ногами по терновнику за Христомъ.

Она рано лишилась матери, но судьба послала ей хорошую няню, — простую, сердечную, русскую женщину, которая первая вдохнула въ Варвару Але-

ксандрову религіозное настроеніе, не покидающее ее въ продолженіе всей ея жизни.



Домикъ сестры Варвары зимою.

— Я была большой мечтательницей въ молодости, говорила Варвара Александровна. — Иногда ночью

сидишь съ няней въ саду, любуешься яркими звѣздами на небѣ и силишься проникнуть своимъ слабымъ умишкомъ въ тайны міра и опредѣлить свою связь съ нимъ. Вдругъ промелькнетъ падающая звѣзда.

„Это душа твоей матери“, скажетъ няня. И страшно, и чудно становилось. Какъ это все вмѣстѣ? — И я, и душа матери, и звѣзды, и небо, и земля — какая то музыка, гармонія, молитва“ [1]).

„Выйдешь вечеромъ на улицу“, подсказалъ я ей слова Короленко, — шепчутся люди, деревья шелестятъ. Шорохъ этотъ идетъ живой какъ будто, а невнятный. А изъ черной листвы тѣни этакими свѣтятся фосфорическими. Ну и задумаешься, и начнешь перебирать свою жизнь, что было и что осталось, Куда пришелъ и что будетъ дальше? И зачѣмъ все? Какой смыслъ твоей жизни въ общей экономіи природы, въ безконечности этой, гдѣ эти звѣзды утопаютъ безъ числа, безъ предѣла... Горятъ и свѣтятся и говорятъ что-то душѣ. Ну, иной разъ и тяжело. Какъ будто не туда направляешься, куда надо по закону какому-то высшему. И все не туда, вся жизнь. Чувствовалось, что уйти нужно, разорвать со всѣмъ“.

„Да... Да... Да... Разорвать... Уйти... Да... раздумчиво повторяетъ сестра Варвара, точно вспоминая что-то: „такъ, такъ“.

Разорвать съ міромъ гостиныхъ было однако ей не легко. Жизнь пустая, свѣтская, крѣпко держала

[1]) Ср. Ювачевъ. Сестра Варвара. Кстати, прекрасная брошюра И. П. Ювачева—можетъ дать читателямъ много дополнительныхъ свѣдѣній о сестрѣ Варварѣ.

своими цѣпкими руками и не хотѣла отдавать „своей“. Когда для знакомыхъ, для окружающихъ сестру Варвару, стали ясны ея намѣренія уйти отъ обычной жизни, они конечно стали отговаривать. Ея порывъ уйти отъ этой пустоты, изъ этой ярмарки тщеславія, казался безуміемъ.

— „Она сошла съ ума“...

Сестра Варвара въ „міру“.

Но и крестъ звалъ за собой, звалъ Христосъ. Въ одномъ изъ изданій мы встрѣтили такой разсказъ о первыхъ дняхъ ея пути. Разсказъ этотъ не исходитъ отъ сестры Варвары, она даже не хотѣла, очень не хотѣла, чтобы знали объ этой тайнѣ ея прошлаго, но разъ оно сдѣлалось общественнымъ достояніемъ, благодаря неосмотрительности одного газетнаго дѣятеля (ему онъ былъ довѣренъ, конечно, уже не сестрой Варварой) — мы смѣемъ его повторить...

Сестра Варвара не хочетъ и не захочетъ подтвердить этотъ разсказъ, извѣстный только о. С. и теперь живущему въ С.-Петербургѣ, но это не бѣда. Не имѣя права безъ подтвержденія сестры Варвары считать разсказъ фактомъ, будемъ смотрѣть на него пока, какъ на символизацію того переворота, какой совершается въ душѣ наканунѣ „пути за Христомъ“.

Варвара Александровна жила около Греческой церкви въ меблированныхъ комнатахъ, на самомъ верхнемъ этажѣ. Она ушла,—но куда идти?! Можетъ быть, вернуться... И вотъ однажды подъ вечеръ она сидѣла въ своей комнатѣ, думая, что дѣлать. Вдругъ въ окнѣ явился яркій необычайный свѣтъ,—и среди этого свѣта она увидѣла воскресшаго Христа. Онъ стоялъ въ воздухѣ, въ блескѣ своего Святого Лика. Свѣтлый плащъ упалъ и легъ у его ногъ. Варвара Александровна рванулась къ видѣнію и застыла, облокотившись на подоконникъ. Видѣніе стало удаляться. Смущенная Варвара Александровна идетъ къ священнику, и тотъ объясняетъ ей видѣніе, какъ призывъ къ дѣламъ Христовымъ.

И она подняла плащъ Воскресшаго Христа и пошла за Нимъ.

Сестра Варвара поступаетъ въ общину сестеръ милосердія. Это съ спеціальной цѣлью — убить въ себѣ привычки прежней жизни, привыкнуть вставать по звонкамъ.

Какъ разъ случилась холера. Сестра Варвара работаетъ съ докторомъ Добровольскимъ, безкорыстно, ничего не получая. Нельзя платить за дѣло Божье. Работаетъ днями и ночами, это уже подвигъ, не говоря объ опасности зараженія,— ея „бѣгаютъ знакомые“. Они боятся ея—какъ чумной. А Варвара Александровна, чуткая и любящая, понимаетъ, прощаетъ, извиняетъ, но, конечно, скорбитъ.

По окончаніи холеры, Варвара Александровна ѣдетъ въ монастырь Вел. Княгини Александры Пе-

тровны въ Кіевѣ. Сюда она ѣдетъ—для того, чтобы еще поучиться и дѣйствительно, употребляя выраженіе самой сестры Варвары,—обитель великой княгини могла наложить „новыя грани“, отшлифовать волю.

Когда я пришла въ Покровскій монастырь, — разсказывала сестра Варвара,—и спросила великую княгиню Александру Петровну,— что я должна дѣлать, — она мнѣ сказала: „вотъ вамъ на первый разъ послушаніе: раньше всѣхъ вставать, позже всѣхъ ложиться, меньше всѣхъ кушать и ниже всѣхъ кланяться. Когда вы раньше всѣхъ встанете, то покажете другимъ примѣръ бодрости и дѣятельности. Ложась послѣ всѣхъ, вы будете имѣть возможность провѣрить всѣ ли улеглись и все ли въ порядкѣ. Будете меньше всѣхъ кушать, пріучитесь къ воздержанію, а частыми и низкими поклонами къ смиренію. Когда вы это немногое, но очень важное, выполните, я скажу вамъ, что дальше“.

Сестра Варвара теперь.

А дальше меня посылаютъ на кухню, гдѣ я должна была научиться готовить кушанья.

Затѣмъ въ хлѣбной мѣсила и пекла хлѣбы. Потомъ работала въ огородѣ, въ прачечной мыла бѣлье

и, наконецъ, была семь мѣсяцевъ десятникомъ при постройкѣ собора. Когда такимъ образомъ я прошла всѣ виды хозяйства, великая княгиня зоветъ меня; „ну, вотъ, и прекрасно, вы теперь можете быть игуменьей монастыря“. А больше всего я была „келарной“. — Какую школу представляетъ община великой княгини, показываетъ слѣдующій случай, переданный мнѣ сестрою Варварой. „Поступила къ намъ новая монахиня,—весело улыбаясь, передавала Варвара Александровна,—съ кучей ковровъ, подушекъ. Устроила себѣ альковъ съ занавѣсочками — красиво. Узнала княгиня. Призываетъ меня. „Переведи-ка ты ее въ ту келью, на другомъ концѣ“. Перевели. Устроилась монахиня. Опять зовутъ меня. „Переведи-ка лучше туда“. И такъ нѣсколько разъ, пока сестра не выбросила свои подушки въ окно.

Въ такой школѣ можно было закалить себя, а у сестры Варвары и безъ того была добрая подготовка. Ей и дѣйствительно предлагали монастырь въ Перми, но она не пошла, желая работы дѣятельной.

В. А — на изъ Кіева снова переселилась въ Петербургъ. Мы видимъ ее при церкви на Боровой улицѣ,—она служитъ тамъ катихизаторшей, т. е. оглашаетъ въ истинахъ христіанской религіи новообращаемыхъ христіанъ. Она называлась діакониссой церкви, и это званіе за ней было даже оффиціально признано (См. въ отчетахъ общества „Вѣры и Милосердія“). И, дѣйствительно, она была діакониссой; въ лицѣ ея воскресло это святое учрежденіе первыхъ вѣковъ: она во имя церкви обходитъ подвалы,

трущобы, ищетъ убогихъ и обиженныхъ, утѣшаетъ ихъ, служитъ и помогаетъ имъ...

Намъ не вѣдомы причины, почему Варвара Александровна ушла съ Боровой. Знаемъ, что причины лежали не въ ней: она не бѣжала отъ подвига и покинула Боровую съ болью сердечной, повинуясь волѣ Божіей, выраженной устами преосв. Назарія.

Эта воля Божія повела ее въ Сибирь.

Мы видимъ сестру Варвару въ Омскѣ около церкви-вагона. Конечно, и здѣсь та же служба, та же аскетическая жизнь, тѣ же нужды и лишенія. Сестра Варвара не любитъ говорить объ этомъ, но это ясно изъ причины, которая заставила ее вернуться въ центральную Россію. Въ Омскѣ она несла съ рѣки ведра воды, упала и разбилась.

Легко представить себѣ, какъ жила въ такой обстановкѣ, женщина, выросшая среди богатства, если она сама носила ведра съ водой.

Это было лѣтъ семь тому назадъ; В. А. ѣхала черезъ Любань, нашла здѣсь знакомое семейство и пообѣщала ему—на обратномъ пути заѣхать и побыть. И правда — заѣхала — и стала жить здѣсь на дачѣ... Конечно ее велъ промыслъ Божій: не хочется думать, что здѣсь случайность,—такое значеніе имѣла для Варвары Александровны остановка въ Любани.

Мнѣ запомнился одинъ разсказъ сестры Варвары о первыхъ дняхъ жизни въ Омскѣ. Пріѣхала она, для поступленія на службу въ вагонѣ-церкви, раньше, чѣмъ туда прибылъ настоятель ея и самъ „вагонъ".

Денегъ нѣтъ, ночевать негдѣ. Обращается къ жандарму съ просьбой указать какой нибудь ночлегъ. „Иди,—говоритъ, къ женѣ—она добрая, монашекъ любитъ". — Пошла сестра Варвара... Приняли ласково.

Двѣ, кажется, недѣли прожила тутъ, работала на семью, читала святыя книжки.

И вотъ разъ обращается къ ней хозяйка съ просьбой. „Ты писаніе-то знаешь. Скажи мужу, чтобы онъ не дрался. Посмотри у него, какъ часто руки въ крови Это онъ бѣглыхъ бьетъ. Скажи".— „И такъ мнѣ тогда, говоритъ сестра Варвара,— стало жалко этихъ бѣглыхъ несчастненькихъ. Но какъ сказать? Какъ начать? Слава Богу, самъ хозяинъ началъ. Приходитъ разъ и говоритъ: эхъ, служба-то проклятая!..

„А нельзя ее сдѣлать непроклятой?—спрашиваетъ сестра Варвара. — Какъ сдѣлаешь, когда возишься съ этими!"...—А попробуйте.—„Какъ?"—Да такъ, по Христову.—Не бейте. Можетъ, не хуже выйдетъ...

Тотъ обѣщался попробовать. Попробовалъ и сумѣлъ. Это было первое ея доброе дѣло въ Омскѣ, а тамъ служба около храма, служба голоднымъ, „холоднымъ" и несчастненькимъ.

Но, вотъ, случилось несчастіе. Она расшиблась, какъ мы сказали, и отпросилась на время „въ Россію".

Сестра Варвара отвыкла отъ людей, свѣтскаго общества, — ей было тяжело отъ бесѣдъ въ гостиныхъ,—и она уходила гулять на большую дорогу.

Здѣсь на бревнахъ она увидѣла странныхъ лю-

дей, оборванныхъ, жалкихъ, несчастныхъ, сгорбленныхъ, съ разбитыми ногами...

Кто вы? откуда? — „А съ волчьимъ билетомъ". Что это такое? Разъяснили...

Оказалось, что все это люди голодные, или административно высланные, или рабочіе, бредущіе изъ города.

Они рады бы работать, но гдѣ на дорогѣ работа,—а города вытолкали ихъ изъ своихъ стѣнъ то же по безработицѣ. Исхода нѣтъ.

И тогда-то святая жалость наполнила Варвару Александровну навсегда и совсѣмъ. Она стала чаще заглядывать сюда, къ этимъ несчастнымъ, бесѣдовать съ ними, разспрашивать, утѣшать. Давала имъ чаю, сахару, денегъ.

„О, если бы вы видѣли, какіе они жалкіе, грязные, иззябшіе, голодные, несчастные. Зимою идутъ чуть не въ рубашкахъ, жмутся, вздрагиваютъ въ своихъ лохмотьяхъ, въ опоркахъ, въ рваныхъ валенкахъ, въ башмакахъ, въ лаптяхъ. О, Боже мой,— думаешь,— вѣдь это же люди! люди! Вѣдь Ты ихъ всѣхъ одинаково искупилъ своими страданіями,— какъ я осмѣлюсь судить ихъ бѣдныхъ?! Вѣдь это Твои „малые", которые и просятъ такъ немного... Въ это время, кажется, чего бы имъ не отдала. И знаешь, что имъ идти некуда! Вы подумайте только, что такое волчій билетъ! Что можетъ сдѣлать оторванный отъ міра и брошенный на произволъ суровой судьбы, свихнувшійся съ пути истиннаго, несчастный человѣкъ?! Кто приметъ его? Куда пойдетъ онъ?

„Не открываетъ ли этотъ билетъ широкую дверь къ страшнымъ преступленіямъ, не даетъ ли онъ въ руки падшихъ людей ножъ и не гонитъ ли ихъ на большую дорогу?! Единственное, что впереди для него — это безконечная каторга“.

„Развѣ нѣтъ у нихъ сердца, души, чувства? развѣ глаза ихъ не плачутъ? развѣ тѣло ихъ не страдаетъ отъ холода, или желудокъ не проситъ пищи?“

Часто приходя домой, Варвара Александровна въ слезахъ передавала Богу свое скорбное недоумѣніе: „зачѣмъ это? почему это ихъ забросили?—Господи, — молилась она, не оставь, помоги... наставь!

И она совсѣмъ незамѣтно для себя забыла о Сибири, осталась у босяковъ, стала лечить ихъ больныя ноги и больныя души.

Въ послѣднее время, какъ выше сказано, она строитъ работный домъ. Этою мыслью живетъ теперь вся она,— ею она дышетъ.

II.

Прекрасную характеристику ея отношеній къ „разбойничкамъ“ далъ преосвященный Ѳеодосій. „Вы“,—говорилъ онъ сестрѣ Варварѣ, въ рѣчи при закладкѣ дома, — какъ мать надъ больнымъ ребенкомъ, ночами не спите совсѣмъ, не зная, умретъ онъ или выздоровѣть можетъ“. Сестра Варвара не смѣла и не могла надѣяться, что сумѣетъ передѣлать своихъ босяковъ, сдѣлать ихъ другими, но это

не мѣшаетъ ей ночами не спать надъ постелью больного. Она отдаетъ себя всю, почти сплошь цѣлыя сутки ей не приходилось и не приходится спать. Ничего не имѣя, она должна была Христовымъ именемъ, какъ милостыню выпрашивать что нибудь для своихъ нищихъ, и она питала ихъ буквально тѣмъ, что посылало небо. „Пятью хлѣбами она питаетъ пять тысячъ человѣкъ“,—говорилъ намъ одинъ близкій къ ея дому человѣкъ. И это, конечно, правда, потому что, не имѣя ничего, кромѣ 50 рублевой пенсіи (что было — около 5000 — ушло на домъ и столовую), она не умѣла отказать никому въ ночлегѣ и въ хлѣбѣ. И на бродягъ вліяніе ея столовой удивительно. Обитатели ея всегда случайные, временные—на часы—отбросы общества, но здѣсь въ границахъ монастыря они живутъ и чувствуютъ себя иначе. „Вѣдь это дѣти“,— говорила она мнѣ (у меня на дому),—„имъ утѣшеніе нужно, ласка, прощеніе. Ихъ нужно прежде всего увѣрить, что не всѣ ихъ бросили,—что ихъ возвратъ считаютъ возможнымъ. Подумай, какой ими —многими изъ нихъ—путь пройденъ. Мать бросила тотчасъ, какъ породила, потомъ — чухнамъ отдали. Отъ чухны послали голодныхъ милостыню собирать, а тамъ въ острогъ — и на большую дорогу. Ласки они никогда не видѣли. Помани лаской, они и пойдутъ. Прочитайте-ка имъ о томъ, какъ Христосъ прощалъ грѣшниковъ, да посмотрите, что будетъ съ ними. Когда владыка рѣчь говорилъ, они бѣлугой ревѣли“.

...Я взялъ, бывшія у меня подъ рукой, англійскія

проповѣди Мооди и прочиталъ сестрѣ Варварѣ оттуда двѣ интересныхъ, по ходу бесѣды, страницы.

„Георгъ Витефіельдъ“,—разсказываетъ Мооди,— „въ одномъ Лондонскомъ храмѣ, обратившись къ толпѣ, его окружавшей, сказалъ: „Господь Іисусъ спасаетъ и сдѣлаетъ блаженными даже и тѣхъ, отъ кого отвернулся діаволъ“. Въ это время на дворѣ стояли двѣ бѣдныя, падшія женщины. Слова эти, произнесенныя звучнымъ, громкимъ голосомъ, дошли и до нихъ. Въ удивленіи онѣ взглянули другъ на друга. „Слова эти касаются насъ“, — подумали онѣ и отъ радости залились слезами... Онѣ подошли поближе и заглянули въ дверь; тамъ увидѣли кроткое лицо проповѣдника, со слезами на глазахъ говорившаго съ толпой и убѣждавшаго ее предаться всѣмъ сердцемъ Господу.

Одна изъ женщинъ написала нѣсколько строкъ Георгу Витефіельду и отослала ихъ ему въ собраніе. Въ тотъ же день онъ обѣдалъ у своей знакомой, леди Хунтингданъ. Одинъ господинъ, сидѣвшій вмѣстѣ съ нимъ за столомъ, замѣтилъ ему:

„Признайтесь, господинъ Витефіельдъ, что вы сегодня зашли слишкомъ далеко, когда сказали, что Господь приметъ даже и тѣхъ, кого отвергъ дьяволъ?“

Въ отвѣтъ на это Витефіельдъ вынулъ изъ кармана записку, съ просьбой прочитать, передалъ ее леди Хунтингданъ. Эта прочитала слѣдующее: „Господинъ Витефіельдъ, двѣ бѣдныя погибшія женщины стояли сегодня на улицѣ передъ окнами храма и

услышали, какъ вы сказали, что Господь приметъ даже и тѣхъ, кого отвергъ дьяволъ. Съ этими словами лучъ надежды проникъ въ ихъ сердца, и онѣ

Сестра Варвара въ рабочемъ костюмѣ.

крѣпко ухватились за эти слова. Онѣ пишутъ вамъ эти строки, чтобы сказать вамъ, что онѣ счастливы, найдя Христа, и что съ этого часа онѣ хотятъ служить Ему, такъ много дающему имъ".

— „Да, вотъ, вотъ“... перебила Варвара Александровна,—„только это еще англійское, не наше. Наши всегда со Христомъ. Они Христа любятъ. Христосъ для нихъ все. Я имъ уже 800 крестиковъ раздала. Не напрашиваюсь, — сами просятъ. „Дай крестикъ“. — Клади три поклона... Кладетъ и даю. Это для нихъ утѣшеніе. „Для насъ, — говорятъ, и окно-то только во имя Христа открывается“. Они за Христа обѣими руками держатся... Браню я ихъ иногда. Нехорошіе вы... Всѣ васъ и къ воротамъ не пускаютъ, — грязные вы, негодные... „Нѣтъ, говорятъ, — не всѣ прогнали, Христосъ не прогналъ. Вотъ онъ—крестъ... ты дала“...

„Или говорю еще... Куда вы, молъ, годитесь. Образъ Божій потеряли... Смотрите, ужъ этотъ домъ и крестъ для васъ послѣдняя соломинка. За нее цѣпляйтесь, чтобъ хоть на что-нибудь на томъ свѣтѣ сослаться можно было. Хоть тутъ-то не грѣшите. И они тутъ молчатъ“.

Мы прибавимъ, что не только молчатъ, — но и дѣйствительно крѣпко цѣпляются за домъ и крестъ Варвары. За 6 лѣтъ существованія столовой ни одинъ изъ ея кліентовъ не былъ подъ судомъ за кражу, или вообще какое преступленіе, совершенное около Любани.

Оцѣнить смыслъ этого факта очень не трудно. „Очень часто,—пишетъ И. П. Ювачевъ,—растроганные предобѣденною молитвой, бродяги бросаются на колѣни предъ крестомъ и начинаютъ исповѣдываться.

Сколько печальныхъ разсказовъ пришлось ей

услышать у подножія креста сквозь нелицемѣрныя слезы! Эти минуты для сестры Варвары были самыми дорогими въ ея жизни „въ пустынькѣ“, и она изливала въ это время всю силу своего краснорѣчія, всю горячность своей любви къ нимъ, чтобы тронувшееся сердце привести въ полное раскаяніе и установить человѣка на новомъ нравственномъ пути... Я видѣлъ у сестры Варвары цѣлую пачку писемъ отъ тѣхъ „благоразумныхъ разбойниковъ“, которые покаялись передъ ея распятіемъ. Сколько въ этихъ безыскусственныхъ строкахъ было излито горячаго чувства! Сколько признательности и искренней благодарности“ (Ювачевъ. Сестра Варвара, Спб. 1903).

Цѣль сестры Варвары скромная: вырвать изъ рукъ бродягъ ножъ, съ которымъ они поневолѣ выходятъ на дорогу.

„Что не съ ножемъ ли сюда пришелъ?“ — спрашиваетъ Варвара.

— Нѣтъ, ножъ у меня въ мѣшкѣ.

„Ну, вотъ, — зачѣмъ тебѣ ножъ? Ты пришелъ просить во имя Христово, а Христосъ запретилъ носить ножъ“. И босякъ, дѣйствительно, соглашается, что Христосъ запретилъ ножъ носить, и отказывается отъ ножа навсегда.

Или вотъ трогательныя и сильныя сцены.

„Пришелъ я,—разсказываетъ бродяга,—къ сестрѣ Варварѣ. Конечно, ножъ со мной. Хочу перейти порогъ, чувствую, не могу. Сила какая-то держитъ“. Сестра Варвара вышла. Стоитъ на порогѣ. „Что ты нейдешь?—Не могу. — Что, вѣрно, съ ножемъ?—Съ

ножемъ.—Воткни ножъ за ворота и иди.—Воткнулъ и сразу легко стало, и вошелъ безпрепятственно.

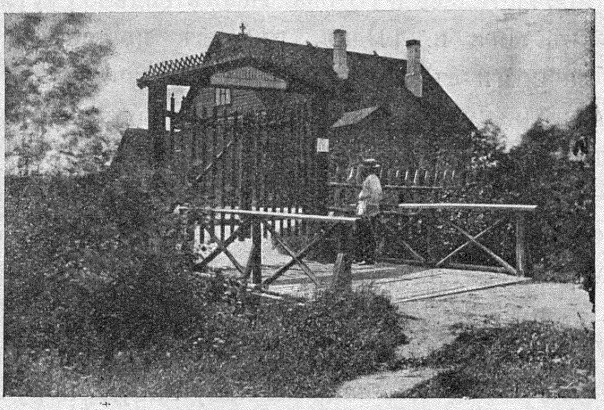
Какое огромное благоговѣніе нужно имѣть къ кресту, святому дѣлу, чтобы физически не имѣть силы перейти святой порогъ, и чего нельзя сдѣлать съ душой еще до такой степени чуткой. Бродяга, о которомъ идетъ рѣчь, послѣ указаннаго случая весь принадлежитъ сестрѣ Варварѣ.

Нечего и говорить, что сестра Варвара и умѣетъ и много дѣлаетъ для того, чтобы пробудить въ этихъ поддонкахъ сознаніе человѣчности и желаніе быть человѣкомъ. Она, какъ уже сказано, считаетъ ихъ всѣхъ искренно хорошими людьми,—людьми съ живой душой, только съ душой, которая временно спряталась, испугавшись голода и человѣческаго безчестія. „Чуть-чуть поскоблить нужно, чтобы показалось золото“. Въ „монастырѣ“ строгая религіозная дисциплина. За столъ нельзя сѣсть безъ того, чтобы не прочитать „Отче нашъ“. „Ну что ты лба не перекрестишь, — говоритъ сестра Варвара, — вѣдь такъ скоты только живутъ. Что Христа не поблагодаришь? И я тебѣ служу только ради Христа. Еслибы не Онъ, такъ и силы у меня не достало бы“.

Часто сестра Варвара убѣждаетъ своихъ босяковъ говѣть и причащаться. Но она по совѣсти говоритъ, что здѣсь она не имѣетъ права настаивать. „Скажешь—причащиться, поговѣть, а они говорятъ: ну какой же я говѣльщикъ? сегодня поговѣю, причащусь, а завтра снова воровать,—жить у тебя все время нельзя“.

И сестра Варвара умолкала, сознавая, что въ этихъ словахъ большая правда, идти имъ некуда, никакого исхода нѣтъ, кромѣ какъ на преступленіе идти, а идти по этой дорогѣ, причастившись, конечно, не совсѣмъ ладно.

„А какъ вы не боитесь жить среди дороги одна съ двумя женщинами, чуть не калѣками? Какъ не боитесь своихъ бродягъ?“



Домикъ Сестры Варвары. лѣтомъ.

— А зачѣмъ мнѣ своихъ бояться? Они меня не обидятъ; матерью зовутъ. Хотя были случаи вначалѣ, но я ихъ умѣю предупреждать. Пришелъ одинъ бродяга, проситъ обуви. У меня не было. „Отдай свои калоши“. Отдала. Потомъ черезъ сколько-то дней приходятъ трое и просятъ рубашки. А у меня только двѣ. Тогда по возможности я ихъ надѣлила старьемъ и, къ слову сказать, какъ скупы богатые: что имъ стоитъ присылать мнѣ хламъ, старыхъ вещей, но имъ почему-то неловко, стыдно... а продавать не

стыдно! Третьему пришлось отказать (его Иваномъ звали).

„Ну, матушка, причастись и будь готова!“—Съ этими словами онъ ушелъ. А спустя нѣкоторое время пришелъ Иванъ ко мнѣ обѣдать. Не желая его разстраивать, я дождалась, когда онъ поѣстъ, а затѣмъ подошла и сказала:

— Иванъ! Я сдѣлала такъ, какъ ты мнѣ сказалъ: причастилась и готова. Иванъ сильно смутился, упалъ въ ноги и, рыдая, просилъ прощенія. Это было давно, и съ тѣхъ поръ — мы лучшіе друзья.

„А вѣдь убьютъ васъ все таки бродяги когда-нибудь?“

— Что же? Убьютъ. Я сама думаю, что убьютъ Найдется и между ними человѣкъ, который и креста не побоится. Только, вѣрю я, будетъ это тогда, когда я домъ свой кончу,—дѣло свое. Вѣдь понимаю я, что не я все это дѣлаю, мнѣ Богъ поручилъ устроить, потому что надо же кому нибудь поручить. И поэтому, пока не окончится дѣло, не могутъ меня убить. Такъ я вѣрю... А тамъ пусть убьютъ. Я уже достаточно пожила, слава Богу“.

Чтобы дѣло возрожденія этихъ полудѣтскихъ, полуозвѣрѣвшихъ душъ было подлиннымъ обращеніемъ, а не минутнымъ осѣненіемъ только, сестра Варвара рѣшила устроить для своихъ босяковъ что-нибудь болѣе прочное. И она—сказали мы—строитъ работный домъ. Сколько трудовъ пришлось ей перенесть, не трудовъ только, а даже оскорбленій и даже преслѣдованій, трудно и пересказать. Было время,

когда она считала совсѣмъ потерянымъ и погибшимъ свое дѣло, но въ послѣднюю минуту снова приходила помощь, и Богъ спасалъ угодное для Него дѣло. И вотъ теперь на мѣстѣ маленькой столовой сестры Варвары созидается уже настоящій „монастырь для бродягъ“ въ видѣ большого рабочаго дома.

Ювачевъ въ своей книжкѣ „Сестра Варвара“ высказался противъ дома трудолюбія. Возраженія его вышли изъ чувства глубокаго уваженія къ сестрѣ Варварѣ. Ему думается, что въ домѣ трудолюбія не будетъ того глубоко-христіанскаго духа, какой онъ видѣлъ въ столовой, исчезнетъ учрежденіе, которое свѣтитъ самымъ своимъ существованіемъ.

„Хорошо,—говорилъ онъ ей,—если общество сочувствующихъ вамъ лицъ возьмется помочь этимъ несчастнымъ, только пусть ваша столовая, пока вы еще живете въ Любани, стоитъ особнякомъ, подъ вашимъ непосредственнымъ присмотромъ. Большое общество и большія сооруженія могутъ подавить всю своеобразную прелесть вашей „пустыньки“. Для народа уже потеряется ея нравственное воздѣйствіе, когда онъ узнаетъ, что его кормитъ не сестра Варвара, а общество богатыхъ людей. Въ данномъ случаѣ, какъ въ евангельскомъ примѣрѣ, двѣ лепты бѣдной вдовицы въ глазахъ народа стоятъ больше богатыхъ приношеній. Вѣдь особенно цѣнно, когда вы сами лично стряпаете и угощаете на свои маленькія средства. Надо цѣнить также и идейную сторону вашего добраго дѣла. Помимо того, что вы помогаете несчастнымъ, питая ихъ душу и тѣло, вы подталки-

ваете и другихъ выступить на дѣятельность въ области любви къ ближнему. Одинъ слухъ о васъ внушаетъ слабымъ и нерѣшительнымъ вѣру въ свои силы и успѣхъ въ дѣятельности. Старая исторія: большія общества, созданныя изъ подражанія какому-нибудь единичному, но страстно преданному своей идеѣ, дѣятелю, или превращались въ мертвую канцелярщину, или вырождались во что то совсѣмъ другое или наконецъ погибали. Францискъ дорогъ намъ, какъ чудная поэзія въ жизни человѣчества, но какъ не похожи на него современные францисканцы". Сестра Варвара видитъ въ этихъ возраженіяхъ безжалостность къ погибающимъ.

— Развѣ я брошу свою столовую? Конечно, нѣтъ. Но что она для бродяжекъ? Выйдутъ отъ меня — куда? на холодъ, на голодъ, на гибель. Нужно спасать совсѣмъ, возвращать назадъ, пріучать къ хорошей жизни. Ставили ей и другія возраженія. „И что же у васъ будутъ дѣлать разбойнички въ вашемъ домѣ? — иронически спрашивали ее, — клеить конверты или плести корзины изъ любанскаго ивняка?"

— Объ этомъ и думать нельзя! Я сама возмущаюсь, когда бродягу, постоянно странствующаго по дорогамъ, мечтаютъ засадить за какое нибудь ручное дѣло въ стѣнахъ дома трудолюбія! Онъ всегда будетъ казаться ему тюрьмою. Нѣтъ; надо дать имъ болѣе солидный трудъ и по возможности на открытомъ воздухѣ. Мнѣ обѣщали на желѣзной дорогѣ каждый день брать по тридцати человѣкъ чернорабочихъ. Я подумываю устроить кирпичный заводъ. Глины въ

Любани сколько хочешь. Еще лучше завести земледѣльческую колонію но это уже верхъ желаній! Вѣдь вы посмотрите, сколько у насъ въ Новгородской губерніи пустой, необработанной земли. О, если бы нашелся человѣкъ, который соединилъ бы эту пустопорожнюю землю съ безпріютношатающимися людьми! Сколько бы эти тысячи бродягъ очистили пустырей подъ луга, поля и огороды! Непремѣнно надо ихъ привязать къ вѣковѣчной кормилицѣ. Въ этомъ обоюдная выгода" (Ювачевъ).

И сестра Варвара живетъ надеждой устроить этотъ домъ — и создать изъ него ячейку „братства босяковъ".

Братство бродягъ во имя Христово,—у кого явится такой огромный планъ? его можетъ создать только душа, вѣрящая въ возможность воскресенія и возрожденія даже тѣхъ, кто на самомъ „днѣ".

А самой сестрѣ Варварѣ хочется уйти въ келейку, уединиться. „Ей молиться хочется", — говорилъ одинъ изъ бродягъ, хочется къ Христу уйти и быть около. А мы ей мѣшаемъ; любитъ она молиться". Сестра Варвара тоже желаніе молитвы прячетъ подъ такими словами: „И хочется мнѣ устроить себѣ земляночку (я ужъ и мѣсто намѣтила), дѣлать тамъ лекарства для моихъ босячковъ и жить". Очевидно, она только не хочетъ сказать то, что за нее говорятъ другіе, она хочетъ молиться. Будемъ же и мы молиться, чтобы исполнилось желаніе сестры Варвары: міру нужна молитва.

Но ея домъ,—прочно ли существуетъ онъ. Чѣмъ

онъ держится? Онъ держится трудомъ и добротой ея самой и немногихъ, плѣненныхъ огромной идеей сестры Варвары. Это г. Петровъ, г. Пожарскій, г. Пистелькорсъ, г. Абразанцевъ-Нечаевъ, пожертвовавшій 23 дес. земли. А изъ постороннихъ кто поддерживаетъ сестру Варвару?—Къ стыду насъ православныхъ, больше всего помогаетъ ей „безпоповка“, (да благословитъ ее Господь), К—ева. Прихожу разъ,— разсказываетъ сестра Варвара, — вижу два мѣшка крупы, два — гороху, два — муки. И ни записки,— ничего. Видно, правая рука не хотѣла видѣть, что дѣлала лѣвая. А церковные христіане кругомъ поддерживаютъ мало, очень мало.

Ну, а издали—мы неужели ничего не положимъ у подножія креста сестры Варвары?

Это учрежденіе для тѣхъ, которые уже почти погибли, остановка и задержка послѣдняя на дорогѣ къ послѣдней гибели. И несмотря на то, что эта остановка на концѣ гибели, все таки святой домикъ умѣетъ задерживать, останавливать, препятствовать погибающему человѣку идти дальше. Что же бы было, если бродяги, не видя нигдѣ учениковъ Христовыхъ, подумали бы, что и Христосъ ихъ прогналъ?

Только это имя, о которомъ напоминаетъ имъ и Христово дѣло „сестры“, и удерживаетъ ихъ отъ „ножа“.

А что было бы, съ другой стороны, если бы такіе „домы спасенія“ были устроены на всѣхъ проходныхъ дорогахъ и прежде всего на дорогѣ дѣтей, которыя идутъ отъ чухны въ острогъ. Я увѣряю,

что многіе, очень многіе остановились бы у заставы, обняли бы подножіе креста, здѣсь выплакали и оставили свое горе, свою ненависть къ людямъ—и потомъ повернули съ пути, ведущаго къ преступленію, назадъ. Не обязаны ли мы сдѣлать это? [1]).

Прежде всего, долженъ заботиться объ этомъ русскій священникъ. Сестра Варвара очень любитъ священника,—православнаго священника, и всю надежду возлагаетъ именно на русское духовенство. Она думаетъ, что именно оно помѣшаетъ погибнуть ея дѣлу, когда ея не будетъ. Когда зашла рѣчь объ избраніи въ предсѣдатели ея общества человѣка не чисто православныхъ убѣжденій, сестра Варвара рѣшительно протестовала.—„Нѣтъ,—говорила она,—пока я здѣсь, онъ не можетъ быть предсѣдателемъ. Я буду кричать на всю улицу, чтобы этого не было“.

Такую горячую вѣру въ священника священникъ долженъ оправдать, чтобы ему не было стыдно.

А затѣмъ,—долженъ сдѣлать все, что можетъ,—всякій русскій православный человѣкъ.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ

[1]) Адресъ дома трудолюбія сестры Варвары: Николаевская жел. дор., станція Любань, казначею священнику о. Озерову, или Варварѣ Александровнѣ Шкляревичъ.

1904 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1904 г.

на

ДУХОВНЫЙ И ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

(годъ изданія 3-й)

Православно-русское слово.

Изданіе „Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви".

Журналъ имѣетъ цѣлью служить религіозно-нравственному просвѣщенію русскаго общества и защитѣ православной истины отъ враждебныхъ къ ней отношеній.

Дьяте.
писатель-пуб
МИХАИЛЪ

духовный
ІОНАХЪ

Библиотека просит

при чтении не перегибать книгу крышку с крышкой, не загибать углов, не делать пометок, не смачивать пальцы слюной, переверты-вая страницу. Словом сле-дить за опрятностью книги и возвращать ее в том виде, в каком она была вами взята.

1) **Ежем** церковно-общ **богословскія о** церковно-обще жизни и печат тѣмъ же вопр дающія руко означенныхъ **журналистики** ственно по т по поводу тѣ **редакціи на н** словской и ц

Журналъ книжки въ м праздниками будетъ выход

Въ кач даны двѣ кни

1) **О. Іо** ставленная с хомъ Михаил

изъ жизни . 2) **Статьи** енным и ой русской священныя **лей Церкви.** разрѣшенія **ей духовной** преимуще-мѣчаніями . 5) **Отвѣты** асти бого-

8°, по двѣ цевъ предъ въ которые

г. будутъ

Іоанна, со . іеромона 100 (будетъ

разослана съ январьской книжкой журнала *годовымъ* подписчикамъ).

2) **2-й выпускъ** избранныхъ статей изъ сочиненій нашихъ выдающихся іерарховъ и богослововъ по вопросамъ, особенно возбуждающимъ интересъ и недоразумѣнія въ современномъ обществѣ, подъ заглавіемъ: **«Современные религіозные и церковно-общественные вопросы въ рѣшеніи ихъ выдающимися духовными и свѣтскими православно-русскими писателями»** (25 печатн. лист.).

Цѣна на журналъ съ приложеніями **6** руб. — съ доставкой и пересылкой въ Россіи и **7** руб. за границу. Въ розничной продажѣ 30 коп. за №.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: *С.-Петербургъ, Стремянная ул д. № 20,* и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторы: Протоіерей **Александръ Дерновъ.** Священникъ **Павелъ Лахостскій Александръ Надеждинъ.**

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ

«ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ РЕЛИГІОЗНО-НРАВСТВЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ДУХѢ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ»,

Стремянная ул., д. № 20,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ

о. Іеромонаха МИХАИЛА:

1) **Въ поискахъ лика Христова.** Содержаніе: Въ поискахъ лика Христова (публичн. лекц. 2-я). — Лиза Калитина. — Письмо о миссіи женщинъ. — Дѣти. — Въ защиту несчастныхъ женщинъ. — 96 стр., ц. **20** к.

2) **Церковь и евангельскія лиліи.** Содержаніе: Письмо одному догматисту.—Правда-ли, будто „догма“ убила лиліи Евангелія? — Толстой и новые христіане въ борьбѣ противъ обряда и догмата. — Христосъ на Голгоѳѣ и воскресшій. — Пасхальная сказка. — Христосъ и дѣти. — Книга Л. Н. Толстого: „Мысли о Богѣ“. — 110 стр., ц. **25** к.

3) **Гдѣ жизнь?** Содержаніе: I. Жизненно или мертво церковное христіанство? (публичная лекція). — II. Жизнь или смерть въ толстовскомъ пониманіи христіанства? („О любви къ людямъ въ ученіи Толстого“) (публич. лекція). — III. Два дополнительныя письма о бракѣ: „Двѣ страсти“; Основы брака: „Раба, товарищъ, свободна“... Письмо къ юношеству о храненіи тѣла. — 176 стр., ц. **30** к.

4) **Новые и старые пути.** Содержаніе: I. Жива ли церковь? (публич. лекція). — II. Новый путь.— III. Христіанство, Д. С. Мережковскаго. — IV. Жизнь, какъ опьяненіе. — Горькій и его проповѣдь живого идеала. — Ц. **20** к.

5) **Въ праведную землю.** Содержаніе: Въ праведную землю. — Молитва. — Исповѣдь. — Огни великаго четверга.—Истина воскресенія.—Къ свѣтлому дню.—Счастье.—Двѣ легенды.— Два воскресенья. — Весна. — Постъ. — Ц. **20** к.

6) **О счастьѣ и мѣщанствѣ.** Содержаніе: Въ чемъ счастье?— Раздавайте не только хлѣбъ, но и подснѣжники.—Фабрики счастья.—Русское мѣщанство.—Мѣщане и книги.— Нѣчто о серьгахъ и кружевныхъ одеждахъ. — Сонъ женщины. — Другой сонъ женщины. — Дѣтскія слезы. — Ц. **15** к.

7) **Двѣ подвижницы** (XVI и XX вв.): **св. Іуліанія Лазаревская и сестра Варвара.** Съ рисунками. Ц. **35** коп.

8) **Къ водѣ живой.** Содержаніе: Мотивы новой литературы. — Горькій.—Чеховъ.—Короленко.—„Книга книгъ“,— какъ невѣдомая книга. — Какъ ее читать? — Живые носители идеала Христова. Ц. **25** к.

9) **Четыре бесѣды о нищетѣ духовной.** Содержаніе: Въ путь. — Святое любопытство. — Нищета духа. — Къ Богу. — Ц. **5** к.

СЪ Р[illegible]

РЕДАКЦІЕЮ Ж[illegible]

[illegible]Д,

АНИНА"

будутъ издавать[illegible]

[illegible]одъ названіемъ

Воскресный благовѣстъ.

Есть для христіанина одинъ дорогой день въ недѣлѣ, который Богъ назвалъ своимъ днемъ. Каждому дню недѣли Богъ далъ свое особое назначеніе, свою долю радости и горя, необходимую для того, чтобы очистить насъ, укрѣпить и приготовить насъ къ „невечернему дню царствія Своего". Воскресенье есть особый назначенный день любви къ Богу и людямъ и поэтому день блаженства, такъ какъ только эта святая любовь даруетъ блаженство.

Въ субботу вечеромъ мы снимаемъ съ себя нашу одежду, запачканную трудомъ и облекаемся для воскресенья въ одежду не только свѣжую, но и болѣе красивую.

Почему же не приготовить для праздника духовнаго свѣта и радости душу,— сердце, какъ мы приготовляемъ тѣло. Въ продолженіе недѣли развѣ сердце не утомилось отъ мелкихъ дрязгъ и непріятностей, горькихъ словъ и оскорбленій? Гдѣ найти отдыхъ и покой усталому и измученному сердцу? Прежде всего тамъ, куда такъ властно зоветъ насъ ударъ воскреснаго колокола, — въ храмѣ Божіемъ, у креста Господня. А дома — у себя въ квартирѣ, часто въ тѣсной и бѣдной комнатѣ, убого убранной, ты найдешь себѣ покой и отраду въ чтеніи добрыхъ и хорошихъ книжекъ.

„ВОСКРЕСНЫЙ БЛАГОВѢСТЪ" и ставитъ ближайшей и главной задачѣ своей дать доброе и хорошее чтеніе на воскресный день.

Въ каждомъ номерѣ „ВОСКРЕСНАГО БЛАГОВѢСТА" будутъ помѣщаться проповѣди на евангеліе воскреснаго дня, поученія изъ жизни святого, и церковно-историческіе бытовые разсказы религіозно-нравственнаго содержанія.

Въ годъ будетъ дано **52** номера, по 32 страницы каждый.

Такимъ образомъ въ теченіе года составится большой томъ — **1664** страницы богатаго и разнообразнаго матеріала для проповѣдей и бесѣдъ въ храмѣ, для чтенія при внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ.

Въ журналѣ будутъ принимать участіе слѣдущія лица: Іеромонахъ **Михаилъ**; Протоіереи: **Д. Падалка, С. Остроумовъ**; Священники: **М. И. Менстровъ, П. И. Поляковъ, П. А. Миртовъ, А. В. Рождественскій, Д. И. Боголюбовъ** и друг.

Всѣ подписчики получатъ **безплатное приложеніе** — книгу

ДОБРЫЙ ДРУГЪ.

Сборникъ бесѣдъ, поученій, статей и разсказовъ на праздники всего года.

Въ книгѣ около **200** страницъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ годъ **ОДИНЪ РУБЛЬ** съ доставкой и пересылкой.

АДРЕСЪ: **Спб., Обводный каналъ, № 116. Контора Александро-Невскаго Общества трезвости.**

Редакторы: Священники *А. Рождественскій* и *П. Миртовъ*.